

АНТОН ДВОРЧЕНКО

12+

НЕДО...

РАДИ КАРНАВАЛА

АНТОН ДВОРЧЕНКО

Недо... (рассказы). Ради карнавала

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Дворченко А. Г.

Недо... (рассказы). Ради карнавала / А. Г. Дворченко — «ЛитРес: Самиздат», 2017

«Ради карнавала». О людях, которые не являются очередными потомками древних королей и не спасают вселенную. О людях с обычными слабостями и недостатками. О людях, которые, попав в сложные обстоятельства, пытаются выжить и сохранить... нет, не власть и богатство, но нечто несоизмеримо более ценное. «Недо...» – большинство рассказов намеренно изложено без лишних деталей. Невнимательный читатель может счесть их недописанными, недосказанными, недо... Чтобы заработал «самый мощный графический чип в мире – воображение». И – да, иногда присутствует капелька магии, ибо, что наша жизнь без волшебства?

© Дворченко А. Г., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

От автора	6
Недо... Рассказы	8
Купальщица	8
На блюдечке	14
Жили-были...	21
Переправа	32
Сокровище	36
Радиус молитвы	43
Экстрасенс	47
Радость полета	57
Лилия	61
Конец ознакомительного фрагмента.	72

*Московскому метрополитену,
без которого эта книга
никогда не была бы написана.*

От автора

Книга, которую вы держите в руках, посвящена Московскому метрополитену абсолютно серьезно. В один из продолжительных периодов моей жизни дорога на работу занимала два часа, в результате чего и появились на свет эти страницы. От первой до последней буквы тексты сочинялись, набирались и правились в вагонах метро – сперва на КПК (если кто еще помнит такого зверя), потом на планшетах и смартфоне.

Хотя в числе моих читателей были и мужчины (отдельное спасибо за поддержку, энтузиазм и конструктивную критику Ивану, Игорю и Сергею – они поймут, кого я имею в виду), прежде всего мне хочется выразить благодарность представительницам прекрасной половины человечества.

Моей маме, без которой не было бы ничего вообще, в том числе и меня самого. Которая верит в мой успех и всегда поддерживает и направляет меня во всех начинаниях. Спасибо тебе, мамочка, от всего сердца! Я люблю тебя!

Элеоноре Артемовне Карамянц и Эмилиии Александровне Буханьковой, моим самым строгим, но самым любимым учителям. Все прошедшие годы я вспоминаю вас с благодарностью!

Жене, Жене, Наталье и, конечно же, Лене, Аленке, Оксане и Даше. Женские персонажи этой книги позаимствовали характер, привычки, словечки и прочая, и прочая у каждой из вас. Я, разумеется, постарался перемешать все до неузнаваемости, но, боюсь, шило в мешке утаить получилось не всегда.

Тане Сагарадзе – хоть и с опозданием в несколько лет, я выполнил свое обещание – так понравившаяся тебе фраза вошла в текст, как и парочка твоих любимых присказок.

Художнице Евгении Лавровой и сотруднице издательства ОнтоПринт Алине Горбатовой – за неоценимую помощь при создании этой книги.

Всем остальным – знакомым, родным и близким для меня людям – благодаря вам, я знаю, что хороших людей на свете гораздо больше! В результате большинство сюжетов получились гораздо более светлыми и позитивными, чем могли бы быть.

Для тех, кто хорошо меня знает, по всему тексту разбросаны отсылки к моим любимым фильмам, сериалам, книгам, песням, излюбленным фразам и кусочкам моей реальной биографии. Так, например, призрачная девочка А-101102 переняла основные черты у главной героини аниме «Момо, маленькая богиня смерти» («Shinigami no ballad»).

Тем же, кто не знаком со мной близко – смело погружайтесь в мир героев – незнание источника той или иной цитаты никак не мешает восприятию.

Поборникам хронологической и / или научной точности: прошу помнить, что данная книга является художественным, то есть вымышленным произведением. Несмотря на то, что каждая рассказанная история соотносится со вполне определенным временным периодом, здесь спокойно могут сосуществовать предметы и понятия из разных эпох, а также несовместимые в «настоящей» природе виды растений, животных и т.п. То же самое касается и законов физики – я, разумеется, старался их придерживаться, но, по большому счету, аксиомой они не являются. Максимум – настоящей рекомендацией.

Напоследок пару слов в ответ на вопрос, который мне задавали чаще всего: о чем эта книга?

Недо...

Сборник называется так, а не иначе потому, что большинство из рассказов намеренно изложено без лишних деталей. Недописанных, недосказанных, недо... Чтобы задействовать, как говорил персонаж одного сериала, «самый мощный графический чип в мире – ... воображение». По тем же причинам иллюстрации создавались в скупой, почти схематичной манере – чтобы не мешать додумывать и представлять самостоятельно.

Ради карнавала.

Категорически не хотелось, чтобы мои герои в очередной раз спасали (как это частенько бывает) мир, галактику, вселенную, пространственно-временной континуум со всеми положенными измерениями. Или чтобы они снова оказались (внезапно!) существами, обладающими суперспособностями и ведущими свой род от очередных древних королей. По сути, эта книга – о людях, которым присущи обычные слабости и недостатки. О людях, которые, попав в сложные обстоятельства, пытаются выкарабкаться, выжить и сохранить... нет, не власть и богатство, но нечто несоизмеримо более ценное.

Ну, хорошо, пару раз главные персонажи все же помогают сильным мира сего и, надеюсь, в результате их мир станет чуточку лучше.

И – да, иногда присутствует капелька магии, ибо, что наша жизнь без волшебства? Даже если обычно его приходится творить своими руками.

В остальном же – это просто истории, призванные развлечь, дать возможность передохнуть и на время отключиться от повседневных тягот и забот настоящего мира.

Итак, декорации расставлены, свет погашен, актеры вышли на сцену...

Занавес!

Апрель 2018

Недо... Рассказы

Купальщица

Рубен плыл, легко рассекая воду плавными движениями.

Широкий, с крупной красноватой галькой, пляж, палатка, плеер и вся остальная цивилизация остались позади. Позади остались любопытные морские котики, возившиеся на берегу и в полосе прибоя. Лишь солнце, море и вечная музыка волн и ветра.

Дождавшись, когда мышцы начали уставать, Рубен перевернулся на спину. Он лежал на воде, как на мягкой перине. Вода убаюкивала, ленивый ветерок поглаживал лицо. Визоры второго поколения подстраивались под направление взгляда и позволяли спокойно смотреть даже на солнце, не затемняя и не искажая прелесть утреннего пейзажа.

Пустота в груди, с которой он жил последние месяцы, растаяла. Конечно, обманывать себя бесполезно. Она вернется.

Но не сейчас.

И при мысли, какой удачной идеей было приехать сюда, в «Спокойный отдых», Рубен, впервые за долгое время, улыбнулся.

Джош с рассеянной улыбкой поглаживал подлокотник своего нового, пахнущего кожей кресла.

Он не любил рано вставать и делал это только в случае крайней необходимости. Сегодня необходимость была. Очкарик, парень, принесший ему миллионы, а в перспективе – в сотни раз больше, улетал на материк на испытания визоров нового поколения. Первую пробную партию Очкарик создал еще три месяца назад – все опытные образцы работали как часы. Результат – восторженные отзывы клиентов «Спокойного отдыха», удвоившийся поток заявок на номера в самом дорогом отеле побережья и приятно потяжелевший банковский счет Джоша.

Однако при попытке наладить серийное производство начались проблемы. Работа всех последующих визоров-2 была нестабильной. Пришлось Очкарику оставлять любимую лабораторию чтобы, на правах отца-изобретателя, спасти положение на заводе. Однако напоследок нужно было еще раз обсудить возможности новинки. С тем, чтобы Очкарик обеспечил надежный тыл и наладил производство, а Джош развернул по всем фронтам рекламную кампанию.

К сожалению, при всей своей гениальности, Очкарик не обладал талантом донести свои мысли до аудитории простым, понятным языком. И настроение аудитории (в данном случае – Джоша) быстро скатилось от задорно-боевого к вяло-апатичному. Под монотонное изложение малопонятных терминов, коэффициентов и показателей Джош задремал.

Рубен дремал, покачиваясь на волнах. Наконец-то появилась возможность без суеты поразмышлять о своей жизни, чуть не покотившейся под откос. Разобраться в себе. Попробовать отбросить прошлое. Начать заново, с чистого листа.

Без Аюки.

Скоро будет полтора года с тех пор, как она исчезла из его жизни. А он до сих пор несетя сломя голову к телефону, когда тот начинает звонить. Вглядывается в лица прохожих, в надежде увидеть ее. Избегает даже намека на флирт с другими девушками.

Когда они случайно столкнулись на улице, шел проливной дождь. Он полил неожиданно, многие были без зонтов. Все бежали, суетились, пытались укрыться от потоков воды. Рубен

тоже спешил, туфли промокли. Зонт заело, и тот никак не желал раскрываться. Он зацепил чей-то пакет. Оттуда посыпались книги – прямо в лужу. Чертыхаясь, он кинулся их подбирать. Бормоча извинения, протянул мокрые учебники девушке, взглянул ей в глаза... и остолбенел. Зонт, ливень и весь остальной мир перестали существовать.

Девушка с минуту внимательно изучала его лицо. Потом взяла книги, которые он ей протягивал.

Он забыл опустить руку.

Она осторожно вытащила из негнущихся пальцев зонт, раскрыла его, взяла Рубена под руку.

И они пошли домой.

Когда она исчезла, тоже шел дождь.

Месяцы, которые они прожили с Аюки, пролетели в один миг. Он ходил на работу. О чем-то разговаривал с сослуживцами. Что-то ел, сидел на совещаниях, курил, составлял отчеты.

Старался не смотреть на часы.

В то же время, мысленно подгоняя стрелки к заветной отметке. К моменту, когда можно, наконец, перестать изображать «молодого перспективного сотрудника» и мчаться домой, к Аюки.

Но однажды утром, в воскресенье, он открыл глаза и услышал только шум дождя. А ее дыхание рядом – нет.

Ни зубной щетки в стаканчике. Ни остро заточенного карандаша, которым она делала пометки в своем блокноте. Ни самого блокнота. Ни записки.

Недели три он просто ждал, то сидя дома и прислушиваясь к каждому шороху за дверью, то бесцельно прохаживаясь по улицам, в надежде встретить ее. Потом надежда угасла.

Дальше был провал в несколько месяцев.

Чуть позже Рубен сравнивал себя с пловцом, еле вынырнувшим с большой глубины. Медленно движешься сквозь толщу воды, не вполне понимая, где верх, а где низ. Вроде бы вода

выталкивает наверх, а, может быть, тащит течением куда-то в сторону. Сил и кислорода все меньше. Руки и ноги тяжелые, ватные, да и смысла барахтаться уже нет. Все равно до поверхности не дотянешь. А потом, внезапно, пробиваешь головой пленку воды. И еще один долгий миг не понимаешь, что вынырнул, спасся, живой. Делаешь судорожный вдох, изумленно озираешься по сторонам – куда это меня занесло?

«Вынырнув на поверхность», Рубен осознал несколько вещей. Судя по деревьям, потихоньку начинающим желтеть, лето идет к концу. Он потерял работу. Приобрел привычку внимательно вглядываться в лица прохожих. Давно не брился. Он шагает по улице рядом с каким-то пожилым мужчиной. Мужчина участливо пытается беседовать с ним, не смущаясь односложными, порой невпопад, ответами.

Лицо спутника было смутно знакомым Рубену. Видимо родственник – характерные черты неуловимо, но однозначно напоминали отца. Не очень близкий – ни имя, ни степень родства вспомнить не получалось. Обеспеченный человек – осанка, дорогой костюм, спокойный и уверенный тон речи. Пока Рубена беспокоил вопрос, насколько деликатным будет уточнить имя собеседника, тот, проходя мимо очередного здания, распахнул высокие стеклянные двери и приглашающим жестом предложил Рубену зайти.

Внутри их встретила улыбчивая, по-деловому одетая девушка. Спутник Рубена задал ей вопрос, и девушка начала что-то бодро объяснять им обоим, показывая один красочный буклет за другим. Несмотря на все свои попытки, Рубен никак не мог сосредоточиться на смысле произносимых слов. В какой-то момент объяснения закончились, и в воздухе повисла пауза. Девушка протягивала ему несколько разноцветных листов, а родственник смотрел выжидающе. Рубен понял, что от него требуется выбрать один из вариантов, и вытащил первый попавшийся.

Это был буклет отеля «Спокойный отдых».

Новенький рекламный буклет выскользнул из руки задремавшего Джоша и мягко упал на ковер.

К счастью, следом Очкарик уронил фломастер, которым чертил на доске.

Негромкий, но неожиданный звук дал Джошу возможность незаметно прийти в себя. Перед партнером было слегка неловко. Пробраться через жуткий коктейль математики и физики, изложенный добросовестным изобретателем, было невозможно. Но и сознаваться в этом перед Очкариком не хотелось. Пришлось воспользоваться старым, отработанным приемом.

– Спасибо, мне все ясно. Но, согласись, ни одну из этих формул в рекламу не вставить. И потом – клиентам эти выкладки ни к чему, а конкурентам... ну, ты понимаешь.

– Да, сэр.

– Думаю, что преимущества визора второго поколения легче показать, сравнив его с первым. Ведь что такое был первый визор? Если говорить по-простому – мощный миниатюрный компьютер, размещенный в оправе специальных очков, где изображение проецируется прямо на линзы. Всего лишь удачное сочетание электронного словаря, переводчика, гида, проводника на местности и средства связи. Я ничего не упустил?

– Ничего, сэр. Разве что автонастройка оправы и автофокусировка линз в зависимости от антропометрических параметров объекта, а также...

– А, точно! Визор подстраивается под очертания головы клиента. Нигде не жмет, не давит – но и не соскальзывает даже при быстром беге или под водой. Гелевые линзы подстраиваются под освещенность, и, в зависимости от направления взгляда, могут немного увеличивать изображение, работая как неплохой бинокль. Это здорово. Но при этом в первом визоре, к сожалению, не было ничего революционного! Любая из составляющих по отдельности давным-давно

изобретена, опробована и производится по всему миру. Другое дело – визор-2! Благодаря тому, что ты открыл... как его...

– Я назвал его эффектом синфазной инверсии, сэр. Синхронизируясь с сигналами зрительного нерва, визор инвертирует...

– Да, да! Только проще! Не забывай, нам еще нужно будет объясняться с рекламной фирмой. Скажем так – изображение в визоре-2 изменяет окружающие предметы в зависимости от потребностей человека. Я правильно излагаю?

– Конечно, сэр!

– Что это означает, применительно к нашему бизнесу? Допустим, клиент мечтает об уединенном отдыхе, но на пляже полно других отдыхающих. Благодаря визору-2 он будет видеть, сообразно своему желанию, вместо палаток и павильонов деревья, кустарник или дюны. А если клиент – романтик, возможно, даже какие-нибудь живописные развалины древнего храма. Неуклюжий причал превратится в остов древнего корабля или небольшую косу, выдающуюся в море. А люди вокруг будут казаться какими-нибудь дружелюбными животными соответствующего размера. Деталью ландшафта они смотрелись бы неестественно, поскольку двигаются, кричат, купаются в море и т. д. Животные могут быть любыми – от пингвинов или морских котиков до небольших пони – в зависимости от предпочтений клиента и его познаний в биологии. Если же клиент любит разглядывать, скажем, симпатичных девушек – весь пляж будет завален сногшибательными красавицами. Или красавцами. Или...

Джош ухмыльнулся. Потом стер улыбку с лица и вернул разговор в деловое русло.

– Какие-нибудь недостатки у опытных образцов были?

– Нет, сэр. Разве что... это не совсем недостаток...

– Я слушаю.

Очкарик замялся.

– Ввиду ограниченного тиража и большой стоимости образцов, я внес некоторые дополнительные изменения в конструкцию крепления, сэр. Я думал, что... мне показалось, сэр...

– Не нервничай. Все в порядке. В чем суть изменения?

– Новый визор получился на тридцать четыре процента тяжелее. Я не был уверен, что крепление достаточно надежно. И поставил дополнительную блокировку. Видите ли, сэр, там специальный датчик, который...

– Дружище, самолет тебя уже заждался. Объясни в двух словах.

– Хорошо, в двух словах, сэр. Чтобы, плавая, клиенты не могли случайно утопить образец, я снабдил его замком, расстегнуть который можно, только выйдя на берег. В воде визор снять невозможно, сэр.

– Это не беда. Кому понадобится его снимать? Не переживай, ты все правильно сделал.

– Спасибо, сэр!

– Ну что же. Тебя ждет приятный полет и любимая работа, а меня – пресс-конференция и уйма других дел. Удачи, сынок!

– Спасибо, сэр! Вам тоже удачи!

От воспоминаний его отвлек мерный гул мотора. Чуть позже из-за скал показался белый силуэт гидросамолета. Рубен лениво провожал его взглядом, пока самолет не превратился в точку на горизонте. Воцарившуюся тишину неожиданно нарушил всплеск воды чуть в стороне. Рубен огляделся вокруг – поверхность моря была пуста. Заинтригованный, он вдохнул поглубже, нырнул и увидел... ее.

Сперва мелькнула сумасшедшая мысль, что это Аюки. Но плывущая глубоко под водой девушка была явно выше ростом. Возможно, она была даже выше самого Рубена. Бледно-голубой закрытый купальник облегал сильное, гибкое тело. Красотка плыла на некотором рассто-

янии от Рубена, обходя его по широкой дуге. Время от времени девушка искоса бросала на него озорные взгляды и дружелюбно улыбалась. Его даже слегка удивило, как хорошо видна сквозь толщу воды ее белозубая улыбка. Увидев, что купальщица поднимается из глубины, Рубен тоже поспешил вынырнуть.

Теперь она плыла у самой поверхности воды. Движения незнакомки завораживали плавностью и кажущейся неспешностью. Однако она явно была опытным пловцом и плыла настолько быстро, что иногда над водой показывался небольшой пенный бурун. Одновременно раздавался тот самый всплеск, который привлек его внимание.

На секунду он заколебался, представив лицо Аюки. Но, после непростой внутренней борьбы, сумел отбросить образ, мучивший его последние месяцы. Пусть прошлое остается в прошлом. Кто знает, может быть это – его новый шанс, новая жизнь! Надо обязательно познакомиться. Девушка, само собой, живет в том же отеле, что и он. Они проведут вместе этот день. И следующий. И...

Ну что же она дразнит его, плавая вокруг, но не приближаясь? В сознании промелькнула смутная ассоциация – что-то связанное с буруном, движущимся кругами. Рубен нетерпеливо отмахнулся от непрошеной мысли. Девушка наверняка ждет, чтобы он тоже сделал шаг навстречу.

Хочешь поиграть? Давай поиграем.

Рубен, дурачась, начал хлопать по воде руками, рассыпая брызги.

Мысль оказалась удачной.

Купальщица, улыбаясь, поплыла к нему...

Июль 2007

На блюдечке

Главе корпорации «Эктор»
сэру Чарльзу Пэлему Грегсону

Достопочтенный сэр!

Настоящим уведомляю о результатах наблюдения за Стивеном Локхартом, каковое проводилось агентством «Саймон и Питерс» по Вашему указанию. Памятуя о срочности дела и дабы сэкономить Ваше время, высылаю только значимые документы, а также сокращенные результаты прослушивания и наблюдения за вышеупомянутым С. Локхартом. Однако если будет на то Ваше желание, агентство готово незамедлительно направить курьера с полным комплектом собранных материалов.

К данному уведомлению прилагаются:

Приложение 1 – Текст разговора С. Локхарта со своей невестой Д. Келли по телефону.

Приложение 2 – Текст переговоров С. Локхарта с Вашим адвокатом, мистером Г. О'Салливаном, любезно предоставившим нашему агентству возможность заблаговременно установить оборудование для записи встречи.

Приложение 3 – Документ, выброшенный С. Локхартом неподалеку от конторы Вашего адвоката.

Уверен, что, ознакомившись с прилагаемыми материалами, Вы сочтете дело законченным.

Чек на оплату услуг будет выслан в течение трех дней.

С глубоким уважением,

Глава сыскного агентства «Саймон и Питерс»
Эндрю Питерс.

Приложение 1.

Текст расшифровки записи телефонных переговоров С. Локхарта с абонентом Д. Келли, 11 апреля 19:57.

(Келли)

– Привет, милый!

(Локхарт)

– Привет, малыш!

(Келли)

– Я прекрасно отдохнула и очень соскуч... Что с твоим голосом? У тебя все в порядке?

(Локхарт)

– Не хочу огорчать тебя, Джейн, но... У меня очень сильно не все в порядке. Даже не знаю, как тебе сказать... Отец...

(Келли)

– Что с ним?

(Локхарт)

– Он... Его больше нет...

(Келли)

– Стив, ты...

(Локхарт)

– Подожди, пожалуйста, не перебивай. А то мне и так непросто об этом говорить.

(Келли)

– Когда... это произошло?

(Локхарт)

– Пять дней назад.

(Келли)

– Почему ты мне ничего не сказал? Ты же знал, как я относилась к твоему отцу! И он ко мне! Он давно уже называл меня своей дочерью! А ты!.. Когда он... а ты даже не... *(плачет)*

(Локхарт)

– Это еще не все. Незадолго до смерти его заманили в ловушку.

(Келли)

– В ка... *(всхлипывает)* в какую ловушку?

(Локхарт)

– В хорошо организованную. Ты же знаешь, у него была одна страсть – карты. И играл он только по-крупному, на большие суммы.

(Келли)

– Знаю. Он говорил мне, что это единственное, что может разогреть его кровь.

(Локхарт)

– Да. Но игроком он был опытным и выигрывал, в общем-то, не меньше, чем проигрывал. Однако, где-то последние полгода, почему-то стал проигрывать все больше и больше. Отец сам рассказывал мне об этом, поначалу посмеиваясь над переменчивой Фортуной, а потом с недоумением и даже с легкой обидой. Как же так? Он играет, как всегда, и достаточно малой толики везения, чтобы сорвать куш. Но карты у партнеров, как нарочно, выпадали максимально неудачно для отца. Через некоторое время общая сумма проигрышей составляла более четверти нашего состояния.

(Келли)

– Не может быть! Он бы никогда настолько...

(Локхарт)

– Да, обычно до такого не доходило. Но в этот раз отец считал, что надо просто преодолеть полосу неудач и ему воздастся сторицей. Он, поначалу не допускал мыслей о подтасовке и нечестной игре. Однако постепенно начал подозревать, что здесь что-то неладно. А недавно к нему за карточный стол подсел один крупный воротила с неясным прошлым – Чарльз Грегсон. Он сказал отцу, что скупил все его долги и предложил сыграть по-крупному. Выигрывает отец – Грегсон аннулирует его долг и выплачивает такую же сумму вдвойне. В случае проигрыша отец составляет завещание, по которому Грегсон получает оставшиеся три четверти состояния.

(Келли)

– Не понимаю, почему именно завещание?

(Локхарт)

– Как с издевкой сообщил этот негодяй, не станет же он отбирать последнее у больного старика. Он даст ему возможность закончить свои дни достойно.

(Келли)

– Не хочешь же ты сказать...

(Локхарт)

– Да, малыш. Отец проиграл.

(Келли)

– О, Стив, милый, ты не думай, все, что у меня есть...

(Локхарт)

– Подожди, Джейн, это тоже еще не все. После проигрыша отец был в таком состоянии, что Грегсон не стал настаивать на немедленном подписании завещания. Однако он заявился к нам на следующий день с адвокатом и нотариусом и стал требовать оформления документов о передаче наследства. За ночь и утро я успел навести справки о партнерах, сидевших вчера за карточным столом. Про одного мне ничего не удалось узнать. Только то, что он прибыл издалека, и в тот же вечер исчез в неизвестном направлении. Про второго я узнал несколько больше. Это профессиональный игрок практически мирового уровня. Я успел сообщить об этом отцу.

(Келли)

– И он отказался подписывать завещание?

(Локхарт)

– Да, но адвокат Грегсона меланхолично объяснил ему, что пари заключалось при свидетелях. При свидетелях же проходила и вся игра. Никто никаких нарушений правил не заметил. И выиграть дело в суде у его клиента будет тысяча шансов против одного. Дальше вся процедура проходила без меня. Отец, как во сне, повел всю троицу к себе в кабинет. Там он обратился к Грегсону, пытался взывать к его совести. Пытался ему объяснить про меня, тебя, наше будущее. Просил дать мне хоть малейший шанс вернуть свое наследство. На что Грегсон, ухмыляясь, попросил включить в завещание условие, при котором я могу получить оставшиеся три четверти состояния.

(Келли)

– Не может быть! Такой подлец не способен поступить честно!

(Локхарт)

– Так и есть. Условие гласит, читаю: «Основная часть наследства (за вычетом вышеперечисленных выплат – см. п.п. 3.1.–3.14.) переходит к Стивену Локхарту в случае, если Чарльз Ричард Грегсон, либо уполномоченное им доверенное лицо, добровольно отказывается от нее».

(Келли)

– Чудовище! Но он же ни за что не упустит эти деньги! А... откуда ты об этом узнал? Ты же сказал, тебя там не было.

(Локхарт)

– Отец сам рассказал мне все тем же вечером. А через пару часов... Он был у себя в кабинете... Потом слышу – какой-то глухой стук. Поднимаюсь, а он лежит на полу... Доктор Купер сказал, что сердце не выдержало...

(Келли)

– Стив,.. это... это нельзя... так не должно... (плачет) как же ты... Я сейчас к тебе приеду, только... *(плачет)*

(Локхарт)

– Джейн, малыш, пойми меня правильно. Я за эти дни много передумал. Я сейчас не способен отомстить Грегсону. Пока что. Но денег этих он получить не должен. Да и не в деньгах дело, главное – чтобы этот... В общем, чтобы он не считал, что ему сойдут с рук его грязные делишки. Я обязан что-нибудь предпринять.

(Келли)

– Стив, о чем ты говоришь? Что тут можно придумать?! Ты же сам читал мне...

(Локхарт)

– Пока не знаю. Но... давай так. Побудь пока у себя. Ты сейчас в таком состоянии, что ехать не сможешь. Если, не дай Бог что-нибудь случится еще и с тобой... Послезавтра мне надо встретиться с этим пронырой-адвокатом – Грегори О'Салливаном. Сам Грегсон опасается со мной встретиться – и правильно делает. А потом я приеду к тебе.

(Келли)

– Но Стив,..

(Локхарт)

– Малыш, я очень тебя люблю. Верь мне. Послезавтра вечером я приеду. А сейчас мне надо подумать. До встречи!

(Келли)

– Я тоже тебя люблю. Приезжай. И... удачи!

(Локхарт)

– Спасибо! Пока! *(вешает трубку)*

Приложение 2.

Текст расшифровки видеозаписи переговоров С. Локхарта и Г. О'Салливана, 13 апреля 14:02

(О'Салливан – широко улыбаясь)

– Добро пожаловать мистер Локхарт! Сегодня истекает последний срок, после которого ваше состояние переходит сэру Чарльзу. Вы пунктуальны. Сразу видно настоящего джентльмена.

(Локхарт – холодно)

– Не могу ответить тем же. Вы благоразумно не протягиваете мне руки. Давайте поскорее покончим с формальностями.

(О'Салливан – продолжая улыбаться)

– Чай? Кофе? Сейчас несколько рановато, но, может быть, капельку шерри?

(Локхарт)

– От вас я ничего не приму. Перейдем к делу.

(О'Салливан)

– Прекрасный деловой подход, мистер Локхарт! Вы принесли необходимые бумаги?

(Локхарт)

– Нет, но не беспокойтесь.

(О'Салливан – перестав улыбаться)

– Не понимаю вас, мистер Локхарт.

(Локхарт – выходя из себя)

– Что, прихвостень шакала, хочешь, чтобы я преподнес тебе деньги моего отца на блюдечке? А ты после этого, виляя хвостом, помчишься к хозяину за косточкой? Вот тебе на блюдечке! На! Забирай!

(Выхватывает из портфеля небольшую тарелку, швыряет на нее пачку банкнот и толкает на другой конец стола О'Салливану)

(О'Салливан – возмущенно)

– Мистер Локхарт! Перестаньте паясничать! Имейте мужество проиграть достойно! Что вы мне подсовываете!?

(Локхарт – слегка успокоившись)

– Остатки моего состояния. Примите их и избавьте от необходимости пребывать в вашем обществе.

(О'Салливан – угрожающе)

– Мистер Локхарт, что это еще за фокусы? Я знаю размер состояния вашего отца до последней монетки! Лежащая передо мной сумма не составляет и сотой доли! На что вы рассчитывали, придя ко мне с этой смехотворной подачкой? Имейте в виду – наша встреча записывается и запись будет использована в суде!

(Локхарт – невнятно)

– Я и рассчитывал...

(О'Салливан)

– Что вы там бормочете?

(Локхарт)

– Ничего. Тем не менее, я говорю правду. Поверьте, у меня больше ничего нет.

(О'Салливан – подняв обе руки и глядя вверх)

– Послушайте, мистер! Видит Бог, я хотел быть с вами милосерден. *(Опускает руки, презрительно смотрит на Локхарта)* Но за вашу беспардонную выходку, за ваши грязные, безосновательные обвинения моего клиента, клянусь, я выкачаю вас досуха, отниму последнюю рубашку, заберу все, что смогу забрать, добьюсь, чтобы вы были повергнуты в прах и никогда, слышите, никогда не смогли бы из него подняться, не будь я Грегори О'Салливаном!

(Локхарт)

– Правильно ли я понял, что вы официально отказываетесь принять предложенное мной?

(О'Салливан)

– Да! Да! Решительно, абсолютно и бесповоротно да! Увидимся в суде, мистер Локхарт! До скорой встречи!

(Локхарт – со странным выражением лица)

– До встречи! *(усмехнувшись)* – Не трудитесь провожать. *(уходит)*

Приложение 3.

Документ, выброшенный С. Локхартом на выходе из офиса Г. О'Салливана.

Ксерокопия подтверждения банковского перевода #5689-KX12

Получатель: Ху Лян Цинь, КНР, пр. Хэйлуунцзян, г. Харбин, уезд Мулань, ул. Мулань, 114.

Плательщик: Стивен Грэнвилл Локхарт, Великобритания, Бристоль, Метфорт-роуд, 8.
Сумма платежа: 750 тысяч фунтов стерлингов.

Назначение платежа: Приобретение коллекционного китайского фарфора династии Мин
– 1 предмет.

Июль 2010

Жили-были...

Главное, что обидно – я старшому не раз говорил: не цепляйся к старику. Его и так уже жизнь потрепала крепко-накрепко.

По молодости-то старик славным рубакой был. Другой на его месте начнет какую-нибудь заваруху со скуки – на белом коне с сабелькой серебряной, султаном дареной, покрасоваться. А как до дела дойдет – баста! Воюйте, воеводы верные, а мне в терем пора – не ждут дела государевы, неотложные. А дел-то, ежели взаправду, всего два: мед хмельной, да девки румяные, баловницы.

Старик не такой был. Соседей забавы ради не задирал, но, если уж приходилось меч в руки брать, то спуску им не давал. Да и меч его, тяжеленный двуручник, был из доброй стали, без дорогих украшений и рун иноземных. Становился частенько старик в самую первую шеренгу, в простой кольчуге. Один раз, говорят, даже на поединок выходил. Поединок с той стороны стал насмехаться, мол, бабы у тебя, а не воины, выставить некого, самому биться приходится. Старик в ответ молча взмахнул мечом. С виду легко, словно на пробу. И ударил-то всего раз... Потом вытащил меч из побледневшего насмешника и пошел обратно к своим, не оглядываясь. Тем поединок и кончился. А с ним и битва.

Со временем число охотников потягаться со стариком поубавилось. Потом и вовсе на нет сошло. В ту пору родился у него сын. С имечком у первенца, правду сказать, советники, звездочеты, да прочие прихлебатели намудрили – натошак не выговоришь. То ли Каш-, то ли Кауш-чего-то там, а потом еще слогов шесть-семь. Вроде Победоносный, а может, Вечноживущий, или еще что – тут доброхоты, каждый со своим гримуаром, не сошлись во мнениях. Однако старик спорить не стал, а сына звал всегда просто – старшой. Потом, года через три, я на свет Божий появился. А еще через год – мелкий.

Ко времени, как третий сын начал по двору носиться, как угорелый, захворала маманя наша, слегла и больше уж не поднялась. Каких только лекарей старик ни приглашал... Потом знахарей, ведунов, старушек-шептуний, у которых заговоры на всякий случай жизни и смерти припасены. А там уж, знамо дело, до чернокнижников рукой подать. И в недобрый час нашептали доброхоты съездить попытать счастья на край земли, к колдуну в Серых горах, дальше которых только лед да небо. Имени того колдуна никто не помнил, так давно жил он на белом свете. Жил, когда дед старика еще совсем молодой был. Чем согревался и что ел на голых скалах, где ни травинки, ни живности какой отродясь не бывало – неведомо. А еще более неведомо было, чем дело обернется, когда о помощи попросишь. Кому и поможет, кого просто прогонит с глаз долой, а кого проклянет, да так, что иные в омут головой – чтобы быстрее отмучиться. Потому, если ходили к колдуну с просьбой какой, то в самом крайнем случае. Когда уже все одно, помирать или, авось, вывезет.

Взял старик друзей своих верных, с ним не раз огонь, воду и медные трубы прошедших, да отправился в путь неблизкий. И сгинул.

Маманя наша мужа своего, даром, что обещалась, не дождалась. За несколько лет с отъезда старика тихо стаяла, как свечка.

Старшому тогда двенадцатый год минул. Но ростом он вышел не по годам. Ратному делу смальства учился. Со стариковским двуручником еще, пожалуй, не управился бы, но обычным мечом рубился – любо-дорого посмотреть. Дружина за старшого – в огонь и в воду была готова. С той поры и стал править старшой сам, несмотря на малые лета. А когда вернулся старик – первенцу его девятнадцатый год шел.

Оно и по малолетству норов у старшого крутой был. А без старика, без руки его железной и вовсе испортился. Никто супротив слова сказать не мог. А кто и мог – тех нету давно. На колу али в темнице сгнили. Да и нам, братьям единоутробным, не больно-то сладко жилось.

Мне еще не так туго приходилось, если сравнить. А мелкому доставалось ей-ей. И когда он, причудам старшего подчиняясь, в шутовском наряде с бубенцами среди ночи плясал, словно дурак придворный. И когда спал он, неделями, словно пес сторожевой, у брата в палате на полу, подле ложа. Когда на четвереньках ходил, под столом объедками питался. Когда побивал его старшой, забавы ради, то кулачищами своими пудовыми, то палкой, а как в раж входил, то и сапогами.

А мелкий только улыбался своей странной мягкой улыбкой. И, казалось, никакой злобы к брату не питал.

До потехи с Марьюшкой.

Славная была деваха. Тихая, да улыбчивая, даром, что сиротка. Смальства – то на кухне стряпухам помогала, то подмести-прибраться, то еще чего. Без дела никогда не сидела. А если и выпадала ей минутка свободная, всегда рукоделие какое наготове было.

До поры удавалось ей со старшим разминуться. Бог хранил, кухарки да служки подсобляли. Когда наденут дерюгу рваную, да мордашку углем мазнут. Когда и вовсе с глаз долой на дальний выпас отправят.

Как ее мелкий приметил, как влюбиться успел, я и не углядел. А когда случайно узнал... И уговаривал я его, и грозил карой старшего. Даже денег давал на побег. Ведь ежу ясно, не обрадуется брат наш, когда узнает, на кого мелкий глаз положил. Не умом – сердцем знал, что добром не кончится. А мелкий даром, что в дураках у старшего ходил, дураком и стал. Я, говорит, честь по чести хочу – женюсь, мол и точка. Чтобы все по обычаем. Осерчает старшой – стерплю, не впервой, а бегать и прятаться всю жизнь не буду. Поругались мы тогда с ним крепко – пока старик не вернулся, почитай, десятком слов не перемолвились.

А старшой удивил всех. Как нашептали ему про голубков неразумных, приказал привести обоих под очи свои царские. Брату кивнул едва, а Марьюшку оглядел не спеша, с ног до головы, кругом обошел, не поленился. Лицо, фигуру долго разглядывал. Потом как заржет. Отсмеявшись, хлопнул в ладоши, да приказал назавтра же свадьбу сыграть. Подарил невесте, честь по чести, ларец изукрашенный. С бусами, с перстнями, с серьгами, с гребнем костяным. Да, в придачу, с главным сокровищем – маленьким зеркальцем, из дальних краев привезенным. Жениху пожаловал шубу с плеча царского. И отпустил обоих с миром. Да напоследок напомнил про право первой ночи. Замялись, было, мелкий с Марьюшкой, посмотрели друг на друга, не зная, что ответить. Старшой и говорит, ты же сам, мол, хотел, чтобы все по обычаю. Переглянулась парочка влюбленных еще раз. Мелкий краской налился, аж уши светятся. А невеста побледнела, глянула еще разок украдкой на суженого. Потом кивнула, едва заметно. На том и порешили. До завтрашнего утра свадебного отпустил старшой дурака своего потешного, брата младшего, на все четыре стороны с напутствием в каморке своей прибраться да невесте подарок сыскать. А Марьюшке назвал срок, к которому она прийти должна. Мелкий, счастьем своему скорому не веря, на дальний кордон поскакал, диковину какую-то, одному ему ведомую, раздобыть. Обещался вернуться завтра до полудня, и – только пыль столбом.

Что случилось дальше, доподлинно не знал никто. Только бабки по углам шушукались, что слышны были ночью крики женские, жалобные. Да гогот пьяный, с песнями похабными. И что голосов тех было не два и не три – самого старшого и дружков его верных, самых распутных и бедовых. А Панкратьевна, кухарка старая, которой не спалось в ту ночь, божилась, что перед самым рассветом, увидела она Марьюшку идущую походкой странною и поздоровалась с ней. Но та шла, ее не замечая. А как заглянула старушка в лицо девушке, так чуть речи не лишилась.

Правда то была, али неправда, да только нашли Марьюшку, как совсем рассвело, в ближнем омуте.

Я, по правде сказать, испугался за мелкого – мало ли какую штуку тот выкинет. То ли на старшого с ножом кинется, то ли просто повесится. Но мелкий, как вернулся, да увидел невесту свою, прошел с белым, ни кровинки, лицом в свою комнатушку, упал на ложе... И

не поднимался, в жару и бреду, почитай, месяца три. А как стал иногда выходить во двор – все одно, словно тень, а не человек. Ни улыбки, ни слезинки. Бледный да худой – в чем душа держится. И замолчал. Не то, чтобы совсем онемел, но, почитай, три-четыре слова в неделю многовато будет.

В ту пору и старик вернулся, незнамо откуда. Ни с того ни с сего, свалился, как снег на голову. Оборванный, седой, морщин на лице – едва признать можно. Ни коня, ни доспеха, ни спутников верных. Лишь осанка по-прежнему царская. И вот, что чудно – ни один караул, ни дальний, ни ближний его не видал. Как он через заставы прошел явные да тайные – до сих пор неведомо.

Старшой, понятно, не обрадовался, опасаясь, что старик снова самолично править станет, а его в опалу. Но и получаса не прошло, как выяснилось, что беспокойство напрасным было – выжил гость нежданный из ума. Сперва, только доложились, что старик, почитай, через минуту в терем зайдет, спал с лица старшой. Однако быстро себя в руки взял. Плащ свой парадный накинул, улыбку на лицо приклеил порадостнее, вышел во двор – встречать. Уже и руки раскинул для объятий.

Да старик, не дошедши до старшого десятка шагов, запнулся, словно наткнулся на стену каменную. А потом, тихо бормоча что-то под нос, вовсе бочком-бочком отходить стал. После остановился, палец посплюснул, ветер проверил – с какой стороны дует, принялся, жадно, со свистом забирая ноздрями воздух... И пошел напрямки, как по струне, через огороды и кустарник к домику, где маманя наша померла, его не дождавшись. Домишко с той поры заколоченным и простоял. Старик оторвал доски с двери одним широким, как рубаху от ворота, движением, зашел внутрь, да там и обосновался. Либо сидел безвылазно, каракули чудные на бересте царапал, разговаривал сам с собой какой-то околесицей. Либо травки-муравки собирал по окрестным лесам – щепки да мусор всякий. После – то в веники небольшие связывал и развешивал на просушку, то в костер кидал, да на дым глядел, пока глаза не покраснеют. А то узоры странные выкладывал. Глянешь на тот узор – вроде бы красиво, только тревогой какой-то веет. А еще, чем дальше, тем больше во время занятий своих смурнел лицом старик. В первые недели еще, случалось, пробегала по его лицу тень улыбки – когда, скажем, утро выдалось погожее, и ветерок теплый ласково по лицу гладит. Но вскоре только сильнее хмурились стариковы брови на загорелом лице, да лоб, и без того изрезанный морщинами, бороздили все новые складки.

Старшой, как увидал, что опасности от старика никакой, стал время от времени над ним подшучивать. Не то, чтобы там постоянно изводил, как мелкого в свое время, но исподтишка пакостил регулярно. Я его одергивал, конечно, когда замечал, но, понятно, с опаской. Это ж, как ни крути, старшой. Встанет не с той ноги, и неважно, есть на тебе какая вина или нет,

брат я ему там или кто – кивнет молодцам своим – и загнешься в порубе с голодухи, али сразу рыбам на корм...

Со временем старик вылазки свои в лес прекратил, сидел, носа на улицу не показывая. Но ведовство свое не бросал – наоборот, по слухам, даже спал урывками по часу, по два. И вот, в одну ночь, на всю округу раздался треск и грохот ужасный. Подскочил я спросонья. Не сразу и сообразил, в какой стороне гремит. А как прикинул – сразу понял, что со стороны развалюхи стариковской. Помчался туда, ног не чуя...

Домишки не осталось – дымились лишь обгоревшие руины двух стен, с одного из углов. Остальное – даже не в труху, не в угли, а в пепел сгорело. Как будто дракон дыхнул огнем от души.

Уже потом, вспоминая ту ночь разнесчастную, понимал я, задним умом, что впору было удивиться мне, и не раз. Во-первых, раскат грома с молнией (все-таки драконов у нас отродясь не водилось) никого, кроме меня не разбудил. И, пока не выскочил я на улицу, бежал по пустым коридорам. Да и во дворе уже должен был сбежаться народ. Пускай не из любопытных зевак, но уж караульные-то! Во-вторых – молния молнией, а дождя за всю ночь так ни капли и не пролилось. Да и день вчерашний был тихим, безветренным, и на небе чисто и пусто, как у праведника в келье. А уж в-третьих-то, сам Бог велел удивиться, когда в нескольких саженьях впереди меня разглядел я бегущего мелкого! Он и днем-то из каморки своей нечасто вылезал на свежий воздух, а уж ночью...

Но это я после таким внимательным стал. Тогда же, следом за мелким, запыхавшись, выбежал я к пепелищу – и увидел в чудом уцелевшем углу дома неподвижно лежащего старика...

И склонившегося над ним старшего.

Умиравший стонал, хрипел и шептал что-то яростно, но неразборчиво. Потом взор его обрел ясность. Когда он взгляделся в наши склонившиеся лица, горькая усмешка скривила ему рот, и молвил старик: «Слетелись, сыночки мои верные, стервятники ненасытные. Прав, значит, колдун оказался, во всем прав. Да и сам чую, пробил мой час... Ну раз все в сборе, вот вам мое напутствие отцовское...»

Старшому сказал: «Тебе, сильному, да наглому, посмевавшему свою кровь своей кровью попати, своей кровью и попану быти! А до той поры не возьмет тебя ни меч, ни стрела, ни зелье отравленное!»

Мелкому: «Ты, слабак, сильным станешь, да не в радость окажется сила твоя. Будешь кровью умываться – не умоешься, напиваться – не напоишься, наедаться – не наешься!»

Мне же досталось: «Ну а ты, серый середнячок, ни первый, ни последний, ни сильный, ни слабый. Серость, она серость и есть. Ничего не сделал ты для крови своей. За то искать тебе, серому, до последнего дня своего красну девицу, что кровью укрывается!»

Зубами напоследок заскрежетал, глаза закатил – с тем Богу душу и отдал.

Большую часть из этого я помнил, хоть и смутно. Остальное – спасибо мелкому – вспоминал по частям вечерами у костра. После того, когда он меня, раненого, в лесу чудом признал, да выхаживал неделю. Потом-то я уж, понятное дело, пообвыкся. Но проснувшись в то, первое утро после старикова «благословения» толком понять еще ничего не успел.

Поляну, на которой очнулся, видел я первый раз в жизни. Уже после, через пару месяцев блужданий вышел я к знакомым местам, но в жизни бы не нашел обратной дороги. А в то утро... Шутка ли – перед глазами плывет все, нос запахи щиплют крепкие, до боли. Голова трещит, как после недельной гулянки. Спотыкался, опять же на каждом шагу, с непривычки. Чему ж тогда удивляться, что и глазом моргнуть не успел, как задней лапой в капкан попал. Добро, хоть не медвежий. Одно спасло – силушкой Бог, все же, не обидел. Извернулся я, на

пружину поднажал, да и освободился. А вот как лапу помятую вылизывать стал, вот тут-то меня, как обухом по темечку и долбануло. Понял я, про какого серого старик перед смертью толковал. Как-то само вышло – брякнулся я на задние лапы, голову кверху задрал и завыл. Хорошо завыл, от души. Пока в ушах не зазвенело. И вот, что забавно: вроде и не изменилось ничего, а полегчало маленько и в голове прочистилось. Стал думу думать, и ничего лучше не надумал, что надо как-то к людям выбираться. Считал, наивный, что объяснить про себя как-нибудь объясню. А там к знахарю какому отведут... Сомневался, конечно, что все так гладко сложится. Но любая цель хороша, лишь бы мысли всякие от себя гнать и по новой от страха не выть, да с досады жгучей об землю не биться.

Первым делом, где зубами, где лапами, сорвал я остатки одежды, чтобы бегать сподручнее. Кроме гривны золотой на шее, от которой так избавиться и не удалось. Как выяснилось, к лучшему. Я, когда до мест знакомых, наконец-то, добрался, на радостях и сунулся, дурак, в первую же деревню. Встретили меня знатно. Я и так-то бегать не мастак был – нет-нет, и запутаюсь в лапах, что твой кутенок. А после капкана еще и прихрамывал. В общем, еле улизнул тогда. Попытал счастья в другой деревушке – тоже самое. До третьей я не дошел – нарвался на стрельцов. Позже мелкий растолковал, что из первой же деревни послали старшему гонца, мол, объявилось в лесу чудище – вроде волк, да ростом мало не с коня. Посмеялся сперва старшой – у страха глаза велики. Но когда из другой деревни весточка пришла, призадумался, прикинул направление, да и разослал по окрестностям стрельцов – в засаде посидеть, чудище подстеречь. Вот и подстерegli.

Я и в тот раз убег, да напоследок вдогонку стрелой достали. Застряла в спине – не вытащить. Тут-то мне и повезло, что не смог гривну снять. Наткнулся я в лесу на мелкого. У меня уж к тому времени от раны жар пошел, в глазах все плыло. Думал – блазнится перед смертью всякое. А мелкий увидел на мне украшение знакомое, понял, кто перед ним, и не добил, а выходил. А второй раз понял я, как повезло мне, когда растолковал братец младший, что бы приключилось, если б ошейник на мне, теперешнем, не золотым, а серебряным оказался.

Долго мы с мелким беседовали, пока я выздоравливал. Точнее, поначалу только он со мной. Говорить пришлось заново учиться. Да и то, поди знай, вышло бы, кабы не песня... На одном из привалов мелкий развел костерок, напек мяса. Повезло ему в тот день с добычей. Нашел крупного молодого кабана-подранка, который от охотников уйти – из последних сил ушел, да повалился без сил под старой сосной помирать. Мелкий на него едва не наступил. Наелись оба в тот вечер от пуза. Настроение, несмотря на все беды и горести – гуляй, деревня! Вот мелкий от души песню-то и затянул.

Не за тучу закатилось
солнце в неба синеве –
Появилась черна туча
да с востока, со степи.
И собралась дружина
с воеводой во главе
Черным татам половецким
не позволить тут пройти.

Повстречались оба войска
на граничной на реке,
Супротив друг друга встали,
не решаясь начинать.
Столько половец тех было,
сколько пальцев на руке

На дружинника в кольчуге,
поминающего мать.

Старик песню эту частенько любил послушать, а как уехал да сгинул, маманя нам на ночь напевала. Так что все трое – и я, и старшой, и мелкий – назубок ее знали.

Убоялся воевода,
побежала дружно рать,
Черны половцы помчались,
улюлюкая им вслед.
Только горстка их осталась,
порешивших умирать,
Чтоб детишки их и жены
увидали солнца свет...

Тут и я не утерпел – начал подвывать, рычать да поскуливать, в такт словам мелкого.

Лился жарко красный дождь
да на зеленую траву,
И от капель тех трава
преклонилась к земле.
И, чуть удивленным взором
глядя в неба синеву,
Полегли все храбры вои
на кровавой той траве.

Но и половцы не стали
продолжать, подняли вой
Как побитые собаки
и, поднять не смея глаз,
Ускакали в вольну степь –
только ветер за спиной.
Каждый третий не вернулся
из набега в этот раз...

Знакомые с детства слова сами собой ложились на язык. В голове словно что-то щелкнуло. Впервые, с момента, когда я очнулся в своем новом обличье, стало получаться прорычать нечто почти членораздельное.

И увидев – миновала
черных половцев гроза,
Воротилась дружина,
взяв победу ту себе.
Воронье порасклевало
храбрым ратникам глаза,
Что глядели в сине небо
в окровавленной траве.

Не узнает их имен

да веселящийся народ,
Тот, что труса-воеводу
нес в хоромы на руках.
Лишь бы Родина жила!
А мертвым воям все равно -
Не за то ведь умирали,
чтоб прославиться в веках...

Заканчивали мы вместе с мелким почти что на равных. С того вечера говорить стало получаться потихоньку. Сперва не особо разберешь, но со временем все лучше и лучше.

Объяснил мне мелкий, о чем старик говорил перед смертью. Про старшего.

Про то время давнее, когда маманя померла, да, выходит, не своей смертью. Я тогда в отъезде был, вернулся уж к могилке. А мелкому дядька наш старый, сызмальства к нам при- ставленный, успел рассказать кой-чего. Видел дядька, как заходил в домик мамани, крадучись, ночью старшой. Видел, как, озираясь, выходил. А вот маманю живой опосля того никто не видел. Дядька через пару дней пропал. Искать его и не искали вовсе.

Мелкий тогда, меня не дожидаясь, решился уж было, после дядькиного рассказа, поутру прилюдно вызвать старшего на бой смертный. Да приснился ему ночью какой-то старец. Колдун или монах, не разобрать, но, по всему – отшельник. Старец наказал мелкому, если хочет он верх взять над обидчиком, дождаться отцова благословения. До той поры все в секрете держать и ни словом, ни взглядом себя не выдать, не то сгубит его старшой и кровь неотмщенной останется.

А недавно тот же старец вновь ему явился и велел в путь-дорогу отправляться. Сперва указал, где подмогу можно найти – и нашел там мелкий... меня. А вчера ночью привиделось место, где подскажут ему, как сильным стать.

Оказывается, на старшом, после той ночи, заживать все стало очень быстро. В смысле не то, чтобы, как на собаке, а глазом моргнуть не успеешь – и рана затянулась. Мелкий разок подбил шайку наемников устроить засаду. Удалась засада. Охрану положили в два счета. Всей кучей кинулись на старшого, ранив его много раз. А убить так и не смогли. Меч не успевали из раны вытащить, глядь, а раны никакой уж и нету. Половину шайки положили, едва ноги унесли, а старшой лишь хохотал вслед.

С едой отравленной тоже ничего не вышло.

Вот потому и пришлось топтать нам с мелким туда, где он сильным станет.

Долго ли, коротко ли, добрались до нужного местечка.

Старуха, что жила в покосившейся, выдавшей виды развалюхе, встретила неласково, но все же по-людски. И в баньку пустила попарится, и на стол (а мне, понятно, под стол, в миску) накрыла. Да и спать, хотя бы и на сеновале, всяко лучше, чем под открытым небом. А наутро, за час до рассвета, отправила меня бабка в лес охотиться. Вернулся с добычей – объявила старуха, что дальше брат должен был один в путь-дорогу отправиться, а мне велел здесь дожидаться. Хоть подозревал я, что дело, всего-навсего, в том, что охоча бабка, несмотря на лета свои преклонные, до дичи лесной. И хочет, чтобы я ей припасы пополнил. Ну да делать нечего – стал ей помогать, да мелкого из похода дожидаться.

И дождался бы по сей день. Кабы однажды не вышел я с охоты, дав хорошенького круга, к избушке бабкиной с противоположной стороны, с задов. Там, где у бабки в погребе ледник был. И кабы не услышал донесшийся из-под земли чей-то глухой стон. Впрочем, ежу понятно, чей.

И опять повезло нам с братом. Дважды.

Первый раз – когда вовремя почуял я бабку, пристально наблюдавшей за мной из окна. Почуял, мигом сообразил, что сейчас дернусь чуть, и наутро шкура моя на полу перед печкой ковриком окажется. Не сбился с шага, мимо ледника прошел, как и не было ничего. Обошел домишко кругом, положил добычу на землю – как сейчас помню, жирный тетерев попался. Посмотрела хозяйка на меня с порога. Даже и не грозно вовсе, а так... задумчиво. Крестьянин так же задумывается, пришла пора порося колотить, али пусть еще недельку-другую сало нагуляет. Тут я в кои-то веки и порадовался, что так все обернулось со мной. Был бы человеком, ни в жизнь не выдержать мне такого взгляда, всяко бы чем-нибудь себя выдал. А по волчьей морде – поди разбери. Вот и обошлось. Три дня она за мной присматривала, потом, вроде, успокоилась.

Второй раз повезло, когда через неделю, отправившись затемно на охоту, я перед тем, как в лес углубиться, решил забраться на ближний из холмов. Забраться и посмотреть на избушку. Сам до сих пор не знаю зачем. И разглядел я в предутренних сумерках, как из дома вылетела здоровенная летучая мышь. С орла, не меньше. Круг над крышей сделала, да и прочь полетела. Крепко мне было боязно возвращаться, да рассудил я – чему быть, тому не миновать. Так на так, если не убежим – ненадолго жильцы мы с мелким. С тем и потрусил я напрямик к леднику. Зубами крышку поднял, внутрь сунулся.

И тут же обратно выскочил, отдышаться. Да уж...

Хоть и подозревал что-то похожее, а все едино, чуть не брякнулся наземь, без чувств. Хоть волком, хоть человеком ни за какие коврижки не полез бы я обратно, как увидел, каким стал теперь брат. Однако делать нечего, воротился. Одному все равно не укрыться мне от бабки, да и не бросать же его... вот так... Несколько трубок блестящих, что торчали из мелкого, я зубами вытащил. Часть веревок разгрыз, хоть и с опаской. Освободил ему левую руку. Быстрее отскочил подальше – посмотреть, признает меня мелкий или нет. А то, вона как обернулось, перепутает меня с ужином, да и бросится, глазом моргнуть не успеешь. Обошлось на тот раз. Мелкий только моргнул несколько раз и прошептал хрипло:

– Пи-ить!

Я ему начал, было, объяснять, что плоски все в доме попятаны, бочка с дождевой водой на задворках здоровенная, не сдвинуть, а из колодца я не... Но мелкий, усмехнувшись криво, уголком рта, произнес:

– Да я не об этом...

И посмотрел на меня задумчиво, как бабка давеча. Сглотнул я и пробормотал, глядя в пол:

– Ну, так я это... того... Пойду, что ли, поохочусь?

– Пойди, что ли. Но ты уж постарайся там. Принеси что-нибудь крупное. Мне сегодня... много сил понадобится.

Еще одна кривая ухмылка.

Не сводя глаз с мелкого, я спиной попятился к лестнице. Вот уже было, повернулся, собрался наверх карабкаться, как услышал:

– Да, кстати...

Я застыл с поднятой лапой, поминая всех богов – и человеческих, и волчьих.

– Спасибо, что заглянул. Я этого не забуду.

Не оглядываясь, я кивнул существу, не так давно бывшему мне единокровным братом, и рванул в спасительную чашу.

Бежал и думал, что захаживали бы к бабке почаще путники, вроде нас, не пожадничала бы она. Шею бы свернула на раз или дурмана какого подсыпала, чтобы не рыпались. А на безрыбье – решила она из брата дойную корову сделать, про запас. И я кстати подвернулся – для восстановления сил мелкому еду таскал, сам того не зная.

Он, между прочим, хитрец, и старуху обманул и меня. Старуху, потому что вовсе не таким уж он, на самом деле, ослабевшим был, как ей показывал. Освободиться только не мог, без моей помощи. А меня провёл, потому что под предлогом жажды своей особенной усладал подальше. Как он сам мне после объяснил, помочь я ничем не мог, только б путался под ногами. Победи старуха – у меня еще была слабая надежда оправдаться перед ней – знать ничего не знаю, ведать не ведаю, охотился в лесу. Победи он, и, будь я в этот момент рядом, запросто, в кровавом безумии, не остыв от битвы, мог бы и меня тут же порешить, не успев опомниться.

Так что, когда я вернулся с солидной добычей, все уже было закончено.

На след оленя, на самом-то деле, я наткнулся довольно скоро. Но пока я его догнал, пока завалил, пока спрятал получше, пока отгрыз ногу, пока волочил ее в зубах, костеря на все корки кусты и коряги, попадающиеся на пути, времени прошло порядочно. И пришел я обратно, когда солнце уже село. Вернувшись к избушке, я сразу поспешил к леднику. Рядом со входом на земле пластом лежал мелкий. Выглядел он, как пропущенный пару раз через мясорубку. Но был жив. А бабка, видимо, нет. Я хотел сунуться, было, в ледник – проверить, но брат, приоткрыв один глаз, прошептал:

– Не советую.

А после добавил:

– Нельзя нам тут долго... Могут заявиться ее... родственнички... Пока почуют смерть ее, да сюда доберутся, да искать начнут. Сутки, может, двое у нас есть, а там... как Бог даст... Надо нам сей же час двинуть... Чтобы только пятки сверкали...

– Да какие там пятки? Ты говоришь-то еле-еле!

– Придется тебе меня верхом на себе тащить... Справишься?

Я кивнул. Мелкий закашлялся, на губах выступила кровавая пена. Отдышавшись, он продолжил:

– Тащи поближе, чего добыл... После будешь ловить кого... смотри, только живьем... Я тогда скорее на поправку пойду... глядишь, за неделю оклемаюсь... Были б мои раны обычные, без колдовства ее черного, я бы сейчас тебя взапуски обогнал бы. А так... Веревку носи... вокруг тебя обвяжу...

Новый приступ кашля.

– Держаться... буду... и еще... перец... следы... отбить...

Смекнув, о чем речь, я кинулся к избушке. Веревку сдернул во дворе, на ней старуха время от времени сушила нехитрую свою одежду, и потащил к мелкому. Пара тряпок все еще болталось, но это вышло даже кстати. Брат старательно замотал мне лоскутом ткани нос, чтобы я его не обжег, когда найду, что искал.

Сбил я носом задвижку, ворвался в избушку, посбрасывал всю утварь, узелки, посуду на пол. Куль с мукой тут же треснул по швам, и белое облако взметнулось до потолка. Вскоре почувал я, что, несмотря на намотанную тряпку, в нос вонзаются тысячи иголок. Глаза тут же начали слезиться. Второпях, прижмурясь, схватил ближайший узелок и поволок к выходу. Через пару шагов понял, что внутри, похоже, ромашка. Чертыхаясь, выплюнул, вернулся. Начал медленно, пытаясь не обращать внимания на нарастающий зуд в носу, тыкаться во все мешочки по очереди. Прикоснувшись к очередному и осторожно втянув воздух, чуть не завизжал, не сдержавшись. Если верить носу, внутри находилось адское пламя. Вдохнув напоследок поглубже, схватил узелок зубами и, стараясь не дышать, рванул к выходу. На свежем воздухе стало полегче, но все равно, как донес узелок, помню плохо. Упал без сил возле мелкого. Нос жгло огнем, я все время отчаянно чихал. Нескоро туман в голове рассеялся, глаза перестали слезиться, и я снова смог нормально дышать. Начали возиться с веревкой. Наконец, брат неуклюже, с пятой попытки, навалился мне на спину, и я потопал в чашу. Как мог быстро, но не так быстро, как нам хотелось бы. По настоянию мелкого мы покружили, держась на расстоянии от избушки, сделали несколько петель, рассыпая перец. Наконец брат сказал, что пора двигать

к дому и впал в забытие. Впрочем, в веревку он вцепился крепко, как будто – отпусти ее – и жизнь кончится. Хотя, пожалуй, так оно и было.

Следующие несколько дней были самыми тяжелыми в моей жизни. И в волчьей, и в человеческой. На дневных стоянках прятал я мелкого под лапами здоровенной сосны, или среди бурелома. Или просто выкапывал неглубоко, сколько было сил, лунку в земле и прикрывал брата ветками и комьями земли. На солнце ему, понятное дело, находиться было никак нельзя. А сам шел добывать еду, еле передвигая лапы. Хорошо места были изобильные, зверья попадалось много, и все какое-то непуганое. Однако даже при таком раскладе спать мне приходилось часа два-три в сутки. На десятый день я уже мечтал, чтобы нас догнали, и все закончилось. Но Бог не выдал и свиньи, а точнее, старухины сородичи, не нашли и не съели.

На наше счастье к двенадцатому дню мелкий поправился настолько, что смог топтать самостоятельно. Полностью вымотанный, на ближайшей стоянке я упал, и спал с чистой совестью беспробудно больше суток.

А проснувшись, увидел, что брат выглядит так, как будто и не лежал он окровавленным куском мяса подле бабкиного ледника. И вообще был почти похож на старого доброго мелкого. Еще до близкого знакомства с бабкой. Цвет лица, конечно, подкачал, и прикус... Но, если в сумерках, да не улыбаться широко – мелкий, он мелкий и есть.

Потихоньку до дому добрались – оставалось пара суток пути. Я уже собрался сниматься с места нашей предпоследней стоянки, когда мелкий подошел и сел на землю передо мной. Руку мне на загривок положил и в глаза заглянул.

– Нельзя нам дальше вместе, брат. Помочь ты мне не сможешь ничем. Да и неизвестно еще, чья возьмет.

– Да я же...

– Не перебивай. Если ты не пойдешь, мне будет проще – не надо печалиться, что своего пришибу ненароком. И к тому же... С каждым днем мучит меня... жажда... все сильнее. Ну, ты понимаешь. И в этот момент мне становится... все равно, кто передо мной – друг, враг, сват, брат... Я пытаюсь сопротивляться, но надолго меня не хватит. Ты спас мою жизнь, я спасу твою. Уходи – и никогда-никогда не попадайся мне на дороге. Ты меня понимаешь?

Я кивнул. Комок в горле никак не сглатывался. Мелкий был прав, кругом прав, но как же нестерпимо тяжело было разорвать последнюю ниточку, что связывала нас!

Бывший брат убрал холодную руку с моего загривка и криво усмехнулся.

– Теперь я понял окончательно, о чем нам говорил старик. По крайней мере, про нас со старшим.

– Да я уже и сам...

– Вот-вот. Только про тебя никак в толк не возьму. Ну да ничего – сам разберешься. Удачи тебе. Прощай...

Через минуту тропка опустела.

Торопиться было некуда и остался я на месте до утра. Полежать, подумать – что же дальше? У мелкого, как ни крути, была цель.

А у меня?

Под утро, когда голова распухла от дум невеселых, удалось ненадолго забыться чутким, неверным сном.

Разбудил меня звонкий голосок. Девочка шла, напевая песенку из моей прошлой жизни, из детства. Весело полоскалась на ветру яркая, кроваво-красная накидка. Я уж подумал было – по грибы пошла, да от подружек отбилась. Но нет – из корзинки отчетливо пробивался (у меня аж живот свело, по старой памяти) манящий запах еще теплых пирожков...

Май – июнь 2010

Переправа

Под вечер он нашел монету. Рядом со старым кострищем на краю поляны в лучах заходящего солнца что-то блеснуло среди пепла. Монета оказалась незнакомой. Большой, тяжелый кругляш серебристого цвета. Старый и сильно потертый – из надписей и гербов ничего не разобрать. Черт его знает, может и настоящее серебро?

Пора было устраиваться на ночлег. На особый комфорт рассчитывать не приходилось, однако подвернулось вполне подходящее местечко. На небольшом пригорке доживала свой век старая скрюченная сосна, и под ее тяжелыми нижними ветвями было сухо и уютно. Поворочавшись немного, он быстро провалился в сон.

Три дня назад их взвод попал в засаду. Половину ребят потеряли сразу. Оставшиеся пошли на прорыв. Уйти удалось двоим – ему и Олегу. Они долго бежали, потом шли, падали, опять бежали, шли... Он не знал, сколько прошло времени. Помнил только, что в какой-то момент сил уже не осталось, он плелся чуть позади.

И тут Олег подорвался на mine...

Когда он очнулся после взрыва, Олега нигде не было. Перевернувшись на спину, долго лежал, глядя в ночное небо. Думать ни о чем не хотелось. Тьму над головой неспешно прочерчивала падающая звезда с ярким хвостом. Названия он не помнил. То ли метеор, то ли болид, а, может, как-то еще. Звезда падала медленно, и, если бы он верил приметам, успел бы загадать много-много желаний.

Но он не верил...

Открыв глаза в сумерках пасмурного утра, он понял, что спал и видел сон. Память об увиденном уже таяла, истончалась. Смутно помнился только тихий шепот, убеждавший добраться до реки.

Осмотревшись, он понял, что заблудился. Местность была незнакомой. Солнца не видно из-за низких, плотных туч. Вспомнился совет из школьного учебника про лишайник на деревьях и стороны света. Но окружавшие его стволы деревьев, сколько хватало глаз, были покрыты только чистой, без изъяна, корой.

Справа, перед началом неприметной просеки, виднелась россыпь светлых камней. Кто-то оставил незамысловатый знак. Две прямые линии сходились в одной точке, образуя острие стрелы.

Он пожал плечами. Если уж все равно заблудился – это направление ничем не хуже любого другого.

После того вечера, когда он нашел монету, все последующие дни слились в один. Лес все не кончался. По пути еще раз попался знак-стрелка из камней. Но поляна выглядела довольно похоже и было непонятно, то ли он идет в том же направлении, то ли ходит по кругу. Воды во фляжке осталось на пару глотков, сухпак давно закончился. Но заставить себя всерьез беспокоиться об этих мелочах не получалось. Даже растертая от многодневной ходьбы нога то ли стала болеть меньше, то ли он перестал обращать на нее внимание.

Потом не осталось и воды. Он зашвырнул пустую фляжку в ближайшие кусты. Неожиданно оттуда раздался глухой хриплый возглас. Из зарослей, кряхтя и невнятно чертыхаясь, выбралась троица старух. Первой мыслью было, что они помогают пастуху искать потерявшу-

юся овцу – одна из них несла крупный клочок шерсти, другая держала здоровенные ножницы. Но старухи оказались слепы. Только у третьей, что вела за собой своих товарок, под морщинистыми набрякшими веками тускло блеснул зрачок.

Одинокий глаз подозрительно оглядел его с головы до ног.

– Твое?

Старуха протянула ему пустую фляжку со свежей вмятиной на боку.

– Мое. Извините, не думал, что там кто-то есть.

– Что ищешь?

– Дорогу.

– Чтобы вернуться?

Он подумал о многодневных блужданиях по лесу, о взрыве, о пропавшем Олеге, о ребятах...

– Нет. Пойду дальше.

– Уверен?

– Да. Там, откуда я пришел, меня ждать некому.

– Что-нибудь еще?

– У меня вода закончилась.

Старуха усмехнулась.

– Не беда. Ты же выйдешь к реке.

Она кивнула своим попутчицам. Грубые руки привычно скрутили из мотка шерсти короткую нить. Щелкнули ножницы. Нить взлетела в воздух и зацепилась в ветвях дерева. Перехваченная посередине, она слегка развевалась на ветру, образуя знакомый стреловидный знак. Оставалось поблагодарить старух и продолжить путь.

Сделав несколько первых шагов, он вспомнил название реки, к которой шел.

Через час между деревьями маслянисто заплескалась широкая гладь. Спустившись к самой воде, он не смог разглядеть противоположный берег. Тот терялся в плотном тумане.

Лодочник обнаружился неподалеку – сидящий на старом замшелом пеньке возле спущенной на воду длинноносой лодки.

Высокий и худой старик в стиранной-перестиранной, давно потерявшей свой первоначальный цвет рубахе, завидев его, неспешно поднялся и побрел к реке.

– Деньги есть? – Лодочник протянул руку.

Он осторожно отдал старику монету, опасаясь, что тот не возьмет такие необычные деньги. Да хотя бы на зуб попробует или брови слегка приподнимет, удивляясь. Но тот принял плату, как должное, бросив лишь:

- Полезай в лодку.
- Что там, на той стороне?

– Скоро сам увидишь. Отдыхай пока.
Устроившись поудобнее на корме, он кивнул старику и задремал.
Легкий плеск весел растворился в густом тумане...

Июнь 2008

Сокровище

Сначала развал СССР, потом «лихие девяностые»... Немудрено, что Сергей Петрович в свои пятьдесят с хвостиком остался без работы. В далекой советской юности был он молодым, подающим (да так и не оправдавшим) надежды партийным работником. После стал скромным госслужащим в маленькой госконторе, тихо скончавшейся при очередном госкатаклизме. Список освоенной им офисной техники начинался калькулятором.

И им же заканчивался.

Так что на новую работу устроиться все не получалось. Какими-то практическими навыками, как то – столярничать, мастерить, да хоть бы возиться с грядками на даче, Сергей Петрович по жизни не обзавелся. Как, впрочем, и самой дачей. Небольшой запас денег, накопленных за долгие годы строгой экономии, стремительно пожирала инфляция. Чем выше росли цены, тем мрачнее рисовалось будущее. И все чаще приходила на ум шальная мысль: вот бы огрести бы, где-нибудь да как-нибудь, кучу денег побольше, да зажить себе припеваючи...

В тот вечер, как и во множество предыдущих вечеров, Сергей Петрович вернулся домой с пачкой бесплатных газет и принялся просматривать объявления о найме на работу. Как обычно, не обнаружив ничего подходящего, от нечего делать начал читать все остальные разделы от корки до корки.

Одно из объявлений в разделе «Разное», гласило: «Решаем любые проблемы! Оплата – по достижении результата! Результат – 100%! Выезд консультанта на дом – моментально. Вы будете приятно удивлены». Далее следовал телефонный номер, слово «Круглосуточно» и... все. Ничего конкретного о том, какого рода проблемы можно решить.

Еще пару месяцев назад Сергей Петрович и секунды бы не задержал взгляд на подобном рекламном опусе. Месяц назад – только недоуменно хмыкнул бы. Максимум – плечами пожал. Но сейчас...

Несмотря на скептическое отношение, в голове замелькали мысли об утопающем и соломинке, о том, что деньги заканчиваются, о том, что, позвонив, он ничего не теряет.

Рука сама потянулась к трубке.

Да не дотянулась, остановленная звонком в дверь. Сергей Петрович недовольно поморщился. Он никого не ждал, и час был неурочным. Но с каждой новой настойчивой трелью надежда не реагировать и отсидеться таяла. Пришлось открывать.

На пороге стоял человек среднего роста и примерно такого же возраста. Точнее при плохом освещении определить не удавалось. Неестественно многозначительный вид и восторженный блеск глаз позднего гостя наводил на мысль о пронырливом распространителе разноцветных рекламных брошюр о жизни вечной.

– Чего надо?

Брезгливо-недоуменный тон не смутил визитера. Он дотронулся до своего ярко-оранжевого значка с надписью «Решаем любые проблемы!»

– Вы звонили.

Глаза Сергея Петровича наперегонки полезли из орбит.

– Я не зво...

– Ну, собирались. Неважно. Представим, что я подождал пять минут под дверью, а потом позвонил. Представили?

Теперь у хозяина квартиры начала отваливаться челюсть.

– Но как вы...

– Сергей Петрович, там же было ясно написано: «Выезд моментально. Вы будете приятно удивлены». Вы удивлены? Надеюсь, что приятно.

Глаза продолжили соревнование с новой силой.

– Но откуда... имя...

– Откуда и остальное. Так сколько вам нужно денег? Можете назвать точную сумму?

– Я... мне... много... не знаю...

– Понятно. Когда узнаете? Полчаса хватит?

Сергей Петрович молча кивнул.

– Может быть, не на пороге?

Еще один молчаливый кивок.

Хозяин квартиры, как сомнамбула, поплелся в комнату. Гость устроился в кресле, напротив хозяйского. Дал время потенциальному клиенту привести в порядок дыхание и мимику.

Потом протянул визитку.

– Я не представился. Держите.

Бывший партийный работник был столь же закоренелым атеистом, как и холостяком. Он почти убедил себя, что наверняка существует какое-то разумное объяснение происшедшему. Но визитка...

Дорогая плотная глянцевая бумага. Огненно-рыжий приятный цвет – в тон значку визитера. С одной стороны – уже знакомый рекламный лозунг «Решаем любые проблемы!» С другой... ни много, ни мало – «Альгвазил Бартоломео». Успокоившийся, было, Сергей Петрович ощутил себя персонажем «Мастера и Маргариты». Закрыв глаза, досчитал до пяти.

– Полегчало? – Вежливо поинтересовался обладатель заковыристого имени.

– Да, спасибо. Послушайте, если вы действительно тот, о ком я думаю, то ваши возможности... эээ... довольно обширны. – Осторожно начал Сергей Петрович.

– Знаю я, о ком вы думаете, – небрежно отмахнулся Альгвазил. – Делать Верховному нечего – такой ерундой заниматься. Моя персона гораздо скромнее. Но общее направление мыслей у вас верное.

– И, если я правильно понимаю, желание только одно и цена за него... эээ... стандартная?

– Правильно понимаете.

Сергей Петрович на мгновение зажмурился. Руки предательски дрожали. Кровь стучала в висках вопросом: «Сколь – ко? Сколь – ко?» А действительно – сколько? Цены ежедневно росли сумасшедшими темпами. Малопонятные курсы и котировки незнакомых валют не отставали. Банки росли как грибы и тут же лопались мыльными пузырями.

– Я затрудняюсь назвать общую сумму. Видите ли...

– Вижу. Подробности не надо. Чего тогда вы хотите?

– Я хочу... Только не смейтесь, пожалуйста. Хочу чемодан денег. Иностранных. Лучше долларов... наверное. Крупными купюрами. И чтобы чемодан – побольше. – Сергей Петрович заискивающе улыбнулся. – Такой, на колесиках, знаете? И чтобы они ничьи были. А то вдруг хозяин хватится. Чтобы я их нашел, что ли... эээ... в лесу, например.

Альгвазил наклонил голову и задумался на пару секунд, словно прислушиваясь к своему внутреннему голосу.

– Считайте, сделано. Вот стандартный бланк договора. Подпишите – и можем отправляться. Правила обычные. Самое главное – не разглашать условия и сам факт договора. И пункт этот лучше не нарушать... – Альгвазил неожиданно озорно подмигнул. – Последствия могут вас удивить. Но на сей раз – неприятно.

– И еще. – Заявил осмелевший Сергей Петрович. – Я не могу сейчас подписать. Вдруг вы меня обманете? Извольте деньги вперед. Или откажетесь?

– Вы мне не доверяете?

– Да как вам доверять?! Известно к чему приводят сделки с... с представителями вашей... эээ... фирмы.

– Зависть и провокации конкурентов, – невозмутимо отмахнулся Альгвазил. – Мы-то слово свое держим. Буквально – до точки.

– Тогда почему вы не можете сделать так, как я прошу? Бойтесь, не подпишу?

– Да нет, почему же. Но обязан предупредить. Пока договор не подписан, я не могу обеспечить «чистое» исполнение сделки.

– То есть?

– То есть, раз нет документа, удостоверяющего, что мы с вами действуем по обоюдному согласию, я обеспечиваю выполнение условий сделки в одностороннем порядке.

– И что?

– А то, что тогда вступает в силу закон компенсации. Я без договора, ничего не получая взамен, просто так делаю вам лучше. Взамен какому-нибудь человеку или группе людей обязательно станет хуже.

– Но деньги-то я получу?

– Безусловно.

Сергей Петрович презрительно фыркнул.

– Невелика беда! Это я переживу.

– Тогда одевайтесь – и отправляемся.

Который день рыскал Бугор по лесу. На прошлой неделе взяли они с верным корешем Коляном хороший куш – пару полных сумок из машины лохов-инкассаторов. Без мокрухи не обошлось, но дело того стоило. Однако совсем гладко не прошло – пришлось разделиться. Бугор потащил за собой прицепившийся хвост, а Колян, вовремя соскочив, рванул прятать добычу. На следующий день, как было уговорено, сошел Бугор на знакомом полустанке и потопал в лес, в самую глухомань. Колян на стрелку пришел, не кинул. Точнее – приполз. Потому как, не успел он припрятать инкассаторские сумки, кто-то начал шмалять по нему из кустов. И один раз – удачно. Или неудачно – с какой стороны ствола посмотреть. Кто стрелял – Колян не разглядел. Смылся, пока мог еще бежать. Дождавшись Бугра, начал, было, объяснять, где спрятал бабло, но договорить не успел. Отошел на руках безутешного поделщика. Безутешного, по понятным причинам, вдвойне.

Вот и нарезал теперь Бугор круги по окрестностям, пытаясь отыскать припрятанное. С каждым днем надежды таяли. Не раз мелькала мысль плюнуть на все, но тогда выходило, что загнулся кореш зря. Злой и голодный Бугор зверел все больше, но поиски не бросал. И вот терпение его было вознаграждено. Перед самым рассветом объявились два подозрительных кента – помоложе и постарше. Как по бульвару, напрямик протопали к зарослям, которые Бугор накануне по листику перебрал. Тот, что постарше, пошуршал в кустах с полминуты и выкатил здоровый чемодан. Открыл, заглянул.

Застыл.

Ежу было понятно, что не грибы в чемодане, не ягоды.

Много денег.

Их с Коляном денег.

Потом молодой стал подсовывать пожилому какие-то бумаги. Тот неохотно отвлекся, склонился над документами. То ли читал, то ли подписывал чего – не разобрать. После, коротко попрощавшись, тот, что помоложе, растворился в лесной чаще. Оставшийся покотил сумку по тропинке как раз навстречу притаившемуся в засаде Бугру...

То, что седой терпила знать не знает, кто вальнул Коляна, Бугор понял быстро. Да и деньги были не теми, что взяли у инкассаторов. Допустим, кореш где-то раздобыл чемодан

и переложил в него бабло из сумок. Но он вряд ли стал бы срывать банковскую упаковку и перевязывать простым шпагатом баксы в более толстые, неудобные для ношения при себе, пачки.

Можно было мочкануть деда по-тихому и свалить. Да хоть и отпустить на все четыре стороны, покошмарив его напоследок. Но Бугру стало любопытно. Во-вторых, как можно, не закапывая, спрятать здоровенный чемодан так, что и за полжизни не найдешь? А, во-первых, нет ли еще нычек у этого запасливого старикана?

Дед, поначалу, юлил и мямлил. Но четыре зуба и пару ребер спустя скис. И напел такую сказочку – хоть стой, хоть падай. Однако, заметив, как налился дурной кровью Бугор, быстро залопотал, что да, есть еще деньги, да, много и да, он будет счастлив передать их завтра Бугру у себя дома.

Отвесив терпиле пару тумачков напоследок и отобрав паспорт с адресом, Бугор, насвистывая, пошел перепрятывать честно отобранные деньги.

Охая и причитая, доплелся Сергей Петрович до квартиры. Оставшись без копейки, он потратил на возвращение из леса уйму времени. До срока осталось всего ничего. Дрожащими руками вытащил он оранжевую визитку. Поспешил, не разуваясь, к телефону. И снова донести руку до трубки пострадавший не успел.

На этот раз Альгвазил без лишних церемоний шагнул в комнату прямо из коридора, как будто ждал за углом. Неприветливо спросил:

– В чем дело?

– Альгвазил, голубчик, погибаю. Помощь ваша требуется. Тут такое дело, понима...

– Понимаю.

– Я ж их и в руках-то подержать не успел. Шаг шагнул, а тут этот, здоровый, ка-а-ак...

– Да знаю я, – нетерпеливо отмахнулся собеседник.

– Откуда?

– Откуда и остальное. Чего конкретно вы хотите от меня?

– Мне... Мне еще нужно денег... С башибузуком этим рассчитаться и себе чтобы на старость... Чтобы до конца жизни ни в чем не нуждаться. Вы же мне обещали! Обещали! А что вышло?!

– Поймите, – вздохнул Альгвазил, – договаривались мы с вами на вполне определенный предмет. Вы его получили?

– Да, но...

– Получили. Вы не подписали договор сразу и были предупреждены о возможных погрешностях при получении желаемого.

– Но...

– Но пренебрегли предупреждением. Как можно было спрогнозировать, что закон компенсации ударит по напарнику этого вашего орангутанга?

– Какого напар...

– А, ну да, вы же не в курсе. Неважно. Далее. Договор содержал пункт с категорическим требованием не разглашать условия сделки. Знакомо значение слова «категорически»? А что сделали вы?

– Но ведь...

– Нарушили обещание. И последнее. Цена была стандартная. Вы ее уплатите. А ваше второе желание... Вы обзавелись второй душой?

– Но...

– В таком случае больше вы ничем, необходимым мне, не располагаете.

– Так заберите душу у этой сволочи! Заберите сколько хотите душ! Вон хоть соседи...

Альгвазил презрительно скривился.

– Вы меня с кем-то путаете. Я коммерсант, а не убийца. Только сам человек может распоряжаться своим главным сокровищем.

– Да помогите же мне, ради Хрррр...

Стальные пальцы сжали горло, оборвав фразу.

– Не советую.

Сергей Петрович рухнул на колени и попытался обхватить ноги собеседника.

Руки обняли пустоту.

Альгвазил исчез.

Кто-то начал с грохотом ломиться в дверь. Не надо было теряться в догадках, чтобы понять, кто пожаловал в гости.

Губы Сергея Петровича исказила безумная усмешка. Он вытащил визитку и в третий раз потянулся к телефону...

Руку тут же сдавило мертвой хваткой. По внешнему виду Альгвазила нельзя было сказать, что он взбешен, но его голосом можно было резать сталь.

– Вы полагаете, у меня нет других дел?

– Помо...

– Хватит ныть. Поступим так. Я пожертвую вам некоторую сумму из своих собственных сбережений, и впредь вы меня не беспокоите. Договорились?

Сергей Петрович торопливо закивал головой.

Дверь треснула под напором тяжелых ударов.

– Держите, – Альгвазил протянул руку, в которой блестел...

– Но это же старый пятак! Он стоит меньше, чем ничего! Мы же договорились! Я просил много, много денег! Чтобы и расплатиться хватило, и мне до конца жизни! До конца жизни, слышишь?!!

– Не беспокойтесь вы так, Сергей Петрович! – Альгвазил успокаивающе похлопал его по плечу. – На ваш век хватит.

Ноябрь 2010

Радиус молитвы

Когда я прохожу мимо этого места, я всегда начинаю молиться на двадцать третьем шаге. В каком бы направлении ни шел. Всегда. На двадцать третьем.

Я искал Ленку всю жизнь, но понял это позже, чем следовало. Тогда казалось – обычное мимолетное знакомство на банальной клубной тусе. Вся она была какая-то нескладная, взъерошенная. И даже не скажешь, что красивая. Скорее трогательная, что ли. Как бездомный котенок-заморыш, ждущий теплую руку, что его приласкает. Это уже после до меня начало доходить, какой она была светлой. Искренней. Как безоглядно любила меня.

Я никогда прежде не подпускал никого настолько близко. Но однажды, поддавшись внезапному импульсу, уходя от нее утром, вручил ей ключ от своей квартиры. Я сам не очень понимал тогда, для чего это делаю. Наполовину дурачась, я взял ее ладонь и одел ей колечко с ключом на палец. Ленка широко раскрыла глаза. Потом смешно растопырила пятерню и начала рассматривать ее со всех сторон, осторожно поворачивая кисть.

Я выжидающе смотрел на нее.

– Я подумаю, – сказала она, непонятно к чему. Потом быстро чмокнув, почти клюнув меня в губы, вытолкала за дверь.

И пропала из моей жизни на все лето.

Я несколько раз звонил и даже заходил к ней домой. Но мобильник был «вне зоны действия», а дверь на замке. И никто не подходил к дверному глазку с той стороны. Пару недель я недоумевал. Потом, рассудил, что, за девушкой, как и за электричкой, гоняться не стоит. Будет и следующая.

А Ленка... Ей, видимо, действительно нужно было хорошенько подумать. И, приняв решение, она собралась сделать мне сюрприз. А вышло, что сюрприз устроил я, затащив к себе именно в этот вечер ложеную длинноногую Виолетту.

В самый разгар событий в замке входной двери повернулся ключ, и через пару секунд влетела Ленка.

В полумраке спальни я не успел разглядеть ее лица. Я только заметил, что глаза ее, неуправляемую долю секунды назад горевшие задорными огоньками, разом потухли. А потом она бросилась к дверям. Если бы я даже захотел, я не успел бы ее догнать. Не бежать же, в самом деле, голым на улицу.

Хотя чего там... себе врать бесполезно. Со мной была Виолетта. Сладко выгнувшись, как сытая довольная пантера, она звонко, мелодично рассмеялась. И потребовала продолжения.

Я махнул на все рукой. Что случилось, то случилось. Живем один раз. И вообще – легко пришло – легко ушло.

Через полтора года телефонный звонок разбудил меня среди ночи. Полусонный, я поднял трубку. Услышал жалобный, почти детский плач. И тут меня накрыло. Сердце ухнуло в пропасть. Я знал, что это Ленка и она в беде. Время, которое мы были порознь, вдруг куда-то исчезло. Будто лишь вчера я одевал кольцо с ключом на тонкий палец самого близкого мне человека. Боль и пустота, что росли во мне долгие, нескончаемые месяцы после ухода Ленки, вырвались наружу. Я понял, что в какую бы передрыгу она ни влипла, я вытащу ее, она обязательно простит меня, и больше мы не расстанемся.

Никогда.

До меня иногда доходили отголоски слухов, что Ленка познакомилась с каким-то бугаем. Что он подобрал ее на улице. Что он дико ревнует ее, и вроде бы пару раз ударил. А может и нет. А может это и не Ленка вовсе.

Все оказалось гораздо страшнее. Подробности я узнал несколько месяцев спустя, когда милиция накрыла весь притон. И следователь рассказал мне подробности.

А в ту ночь Ленка только и прошептала, давясь плачем:

– Я от них убежала.

И еще тише:

– Спаси меня... пожалуйста...

Выяснив район, и договорившись встретиться на ближайшей площади, я рванул по пустому городу сломя голову. Машина жалобно скрипит, вписываясь в повороты. Нога, нажимающая педаль, вот-вот вдавит ее в асфальт. Холодный липкий пот заливает глаза. Зубы выбивают безумную чечетку эпилептика.

Я опоздал всего на пару минут. Даже успел увидеть, как скрывается за поворотом джип, сбивший Ленку.

Я нес ее на руках. Не очень далеко и не очень долго. Словно нарочно – ближайшая неотложка находилась на другой стороне площади... Аккуратно передал Ленку на руки санитарам. Она была легкая, как птичка.

Ее сердце перестало биться на двадцать третьем шаге...

Я молился тогда и молюсь каждый раз, приходя на это место.
В радиусе тех самых шагов.

Господи, пожалуйста, спаси ее!

Господи, пусть там, где она сейчас, ей будет хорошо.

Господи, дай мне встретиться с ней, когда придет мой срок...

Март 2011

Экстрасенс

Алексей

Драка началась неожиданно. Толком потом никто и не вспомнил, из-за чего весь сыр-бор. Кто-то кому-то на ногу наступил или локтем в толчее рыночной заехал. Солнце жарит немилосердно. Все усталые, потные, нервы ни к черту. Вот и пошла потеха, как водится, бессмысленная и беспощадная. Я не любитель кулаками помахать, просто увернуться не успел вовремя. Пришлось получить порцию зуботычин и самому отвесить на орехи, кому придется. Иначе затоптали бы люди добрые, сердечные – фамилии бы не спросили.

Дальше – ОМОН, дубинки, обезьянник. Думал подержат и выпустят. Ан нет – в камеру перевели, и к следователю – допрос за допросом. Кто где стоял, кто чего кричал – поди упомни. Сам ведь от жары упарился, а нудит, не отстаёт. Только до конца доберешься и опять по новой, снова-здоровая.

Вытащил Серега, однокашник. Оказалось, он в полицию подался. И даже в чинах, пусть пока небольших – дело наживное. Забавно – мы с ним по школе не дружили, вроде, особо. После вовсе разошлись пути-дорожки.

А тут меня увидел, со следователем переговорил. И на следующий день топал я уже «с вещами на выход». Хоть и под подписку, а отпустили.

Сергей дождался меня на выходе, в машине, предложил подбросить до дома. Виделись давненько, тем для разговора хоть отбавляй. Само собой вышло, что доехали мы не до моего дома, а до сергеева. Оказалось, живет он от меня не так далеко – через несколько кварталов, на окраине. В старой пятиэтажке, в квартире, от деда оставшейся. Дом шел под снос, большинство жильцов уже съехало. В сергеевом подъезде, почитай, никого уже и не осталось. Дворик перед домом за долгие годы обжитой, уютный. Деревья, скамейки-лавочки – красота! Так что поставили мы машину в гараж, взяли по баночке – отметить освобождение. Потом еще по одной. А там уже поднялись в квартиру и устроились основательно. Чудно получилось – за всю школу, наверное, мы друг с другом общались меньше... Не знаю, как Сергей, а я пожалел, что вот так не пересеклись раньше.

Закуска на столе подошла к концу, гостеприимный хозяин пошел за добавкой.

Тут-то руки мои крюки папку, оставленную на столе, и сцапали себе на беду...

Я на нее внимания сперва не обратил – папка и папка себе. Серый картон, белые в незапамятном прошлом завязочки, часть листов непокорным вихром торчит наружу. Взял, от нечего делать, открыл... Какие-то справки, выписки, протоколы – муть, в общем.

И фотографии.

Посмотрел одну, вторую... И меня накрыло...

Черно-белая фотография налилась вдруг цветом, резким и ярким, как в детских мультиках. Края снимка заиграли радугой, вспучились, выгнулись и плеснули разноцветьем во все стороны, психоделическими тонами разукрасив комнату. А потом изображение на фото вдруг выросло разом в натуральную величину.

И задвигалось...

Хмурый небритый мужик в мятом спортивном костюме. Глаза льдисто-серые, колючие, с недобрый прищуром. В руках – полицейская дубинка. Он наклонился и начал методично охаживать связанного, корчащегося червем на полу у его ног человека. Через пару минут избиваемый выгнулся дугой, захрипел и замер. Мучитель сильно пнул жертву несколько раз, вытащил длинный нож и вонзил его в неподвижное тело.

Еще раз.

Еще.

Краем сознания я понимал, что нахожусь в комнате, что держу в руках папку.

Которую надо закрыть... закрыть...

Руки не слушались. Тело оцепенело – пальцем не пошевелить. Внезапно убийца поднял глаза, пронзив своим жутким взглядом до печенок. А потом, словно в замедленной съемке, сделал шаг навстречу. Сердце застряло в горле душным ватным комом – ни сглотнуть, ни вдохнуть. Окровавленные руки потянулись ко мне...

Возвращаясь с кухни, Сергей зацепил подносом дверной косяк. Послышался грохот разлетающейся посуды и забористый мат.

Наваждение пропало.

Я отшвырнул от себя папку, как горячую картошку. Рывком рванулся к дверям. Не смог даже сообразить, как сдвинуть засов. Просто судорожно дергал за ручку, словно муха, методично бьющаяся в стекло.

Потом Сергей долго пытался дать мне выпить коньяка. Зубы стучали об край стакана, как дешевые кастаньеты. Янтарная жидкость разливалась, почему зря. На третий раз Сергей сдался и подвел меня к раковине на кухне – умыться.

Малость успокоившись... кого я обманываю? Перейдя с крупной дрожи на мелкий тремор, я засобирался домой. Сергей все пытался выяснить, что произошло, но пересказать ему свое видение я не смог. Да и как про такое расскажешь? В самом лучшем случае услышишь в ответ, что пить надо меньше, вот и весь сказ. Наконец, буркнув: «Делай, как знаешь», он сдался, и я, пошатываясь, побрел к дверям.

Сергей проводил меня до дверей подъезда. Предложил, раз посидеть нормально не получилось, встретиться завтра. Я честно сознался, что, обижайся – не обижайся, не скоро смогу зайти к нему еще. Поразмыслив, Сергей предложил пересечься на природе – на шашлыках.

Я согласился для виду, твердо решив про себя, что больше к Сергею – ни ногой.

Но, утром, которое вечера мудренее, передумал. В самом деле – человек меня в трудную минуту выручил, сидели-болтали хорошо. Знаем друг друга с детства. А что зайти к нему надо с утра, помочь вещи в багажник загрузить, так и что с того? Фотографий этих, что ли, боюсь?

Оно, конечно, боюсь.

Но мало ли что с пьяных глаз привидится? Не может же взаправду фотка ожить?

С тем и вышел на улицу.

Я не дошел до дома Сергея метров триста, как заметил увязавшегося за мной мужичка. Одет неброско, рост средний, не качок и не доходяга. Я бы и внимания на него не обратил, если бы не очки. Здоровые солнечные очки, закрывающие половину лица. Зеркальные. С радужными переливами. А к радуге у меня со вчерашнего дня отношение было особое.

Он не прятался, как в дешевых романах, и особо не спешил. Но расстояние между нами сокращалось.

Вариантов было немного. Домой не добраться – «хвост» дорогу перекрывает. В толпе затеряться не получится – в такую рань на улице никого. Надо любой ценой успеть к Сергею, а там моя... теперь уже полиция меня сбережет. Если поверит.

Провернул я демонстративно не спеша за угол, а там дернул – подавай Бог ноги! Преследователь замешкался, потом рванул следом.

В жизни я не бегал так быстро.

Из последних сил подбежал к спасительной двери, дрожащими руками набрал код и ввалился внутрь. Сердце прыгало, как яйцо в кипятке, легкие горели, ноги подкашивались. Не в силах сделать больше ни шагу, я уселся прямо на ступеньки, лицом к двери. Секунд через пять в нее замолотили кулаками.

- Молодой человек, откройте!
  - Ага, щас! Шнурки поглажу и открою.
  - Поговорить надо!
  - Конечно надо. Сперва поговорить, потом прикурить, потом снимай дубленку.
  - Вам грозит опасность!
  - А то как же! Вот прям щас и грозит. Да дверь мешает.
- Может, это не бандит, а просто псих какой-то?
Проверить не хотелось.

Мужик продолжал нести какую-то околесицу, по-моему, что-то даже про полицию, но я уже поднялся со ступенек и похромал к Сергею.

- Хозяин, распахнув дверь, уставился на меня.
- Ты где так запарился? Лифт, вроде, работает.
  - Да тут, понимаешь, такая история...

Сергей внимательно слушал мои, сбивчивые объяснения, но по лицу было не понять, поверил или нет. Он отвел меня на кухню. Налил чашку кофе побольше, сунул мне в руки бутерброд и пошел, как он выразился, осмотреться-прогуляться. Минуты тянулись. Кофе подошел к концу. Потянувшись к чайнику налить еще, я неловко смахнул со стола нож. Глухо звякнув, тот отлетел под стоящий в углу холодильник. Рукой дотянуться не получалось – про-свет слишком мал. Осмотревшись, я заметил висящую на крюке поварешку с длинной тонкой рукояткой. Подходяще. После пяти-шести попыток на свет появился приличный комок пыли, пробка от шампанского и – удача – упавший нож. Я уже хотел, было, вернуть поварешку на место, когда заметил в глубине щели краешек белого листа. Дотянулся, подтащил поближе. Поверхность была чистой, без надписей. Судя по плотности бумаги – похоже на фотографию, лежащую изображением вниз.

Вот только кто-то раз десять проткнул снимок насквозь чем-то продолговатым и острым. По хребту побежала противная холодная гусеница. А ну как опять покажется чего?

С другой стороны – что ж мне теперь, до конца жизни фотографий бояться? В этот раз я ничего, крепче кофе, не пил. Самый раз попробовать.

Даже руки дрожать перестали. Почти.

Любопытство сгубило кошку. Здравый смысл орал мне на ухо, что не стоит лезть в чужие секреты. Однако искушение посмотреть, кто на снимке, пересилило. Сергей не рассказывал о своей личной жизни. Но я поставил бы сто против одного, что увижу женское лицо. Так сильно ненавидеть можно только любимого в прошлом человека. А вот что лицо это окажется знакомым... И не просто знакомым...

Валя.

Валька-Невезучка.

Во что же ты вляпалась на этот раз?

Вечно поцарапанные руки. Коленки украшены вместе или поврозь зеленкой и синяками. Прическа – недостроенное птичье гнездо. Дралась и гоняла в футбол Валька наравне с пацанами. Недели не проходило без очередного происшествия. Иногда смешного, иногда нелепого. А когда и страшноватого. Но стоит тучам разойтись – тут же озорной глаз блестит сквозь непослушную челку. И нос в веснушках победно задран к небу.

Мальчишкой я не задумывался о всякой там любви и прочей ерунде. Просто наши дома стояли рядом, и мне частенько приходилось вытаскивать Вальку из всяких передрыг. После школы ее родители продали квартиру и подались куда-то далеко. То ли на заработки, то ли завести свое дело. Но Невезучка проявила редкое упорство и осталась в городе – поступать в

универ. Время от времени родители присылали ей денег на учебу, съемную квартиру и пропитание. И все пошло-поехало своим чередом...

Годика через два, когда большинство наших одноклассников вернулись из армии, порешили мы всем выпуском устроить вечер встречи. Отмечали весело, с размахом – с вечера пятницы до воскресенья – на природе. Пока все устраивались на месте, возились с палатками, открывали пиво, Валька улизнула в кусты. Никто бы не хватился ее, как минимум, до завтра. Если бы не моя, с детства ввевшаяся дурацкая привычка отслеживать, где носит эту ходячую катастрофу. Через десять минут я начал беспокоиться. Через пятнадцать заподозрил неладное.

Через двадцать отправился на поиски.

Когда я ее нашел, Невезучка охрипла от криков, но гомон веселящихся однокашников и врубленная на всю катушку музыка заглушали все вокруг. Мне и ей еще повезло, что она забралась довольно далеко, и шум был уже не таким оглушительным. В сумерках Валька не заметила в высокой траве край неширокого, но глубокого и каменистого оврага. Само собой, кувыркнулась в него. И, как водится, сильно неудачно. Она вяло махнула мне рукой со дна оврага. Улыбнулась знакомой, чуть виноватой улыбкой. И отключилась.

Закрытая черепно-мозговая травма, внутреннее кровоизлияние, переломы ребер, левой руки. Хорошо, хоть не правой. Такая вот она, невезучкина удача. Порезы и ушибы – в ассортименте.

Когда она через неделю слегка оклемалась, врачи рассказали, что еще час-полтора без стационара – и светило ей расти-колоситься тихим овощем до конца дней.

Я просиживал в больнице, сколько возможно, еще не осознавая, насколько влип. Думал, мол, негоже бросать начатое на полдороге. Спасать, так спасать – до полного выздоровления. Со временем переломы срослись. Я забрал ее из больницы. Помог донести вещи до порога. Пожелал выздоровления. Аккуратно захлопнул за собой дверь и потопал через двор – домой.

Последнее время я, фактически, жил в больнице, и квартира выглядела нежилой. Звонко щелкнул замок и повисла звенящая, напряженная тишина – в точности, как и на душе. Думать о том, что же будет дальше, не хотелось. Я закрыл за собой дверь, привалился к ней спиной и стал ждать... Если бы меня спросили – чего именно, я не смог бы ответить внятно. Не было никакой уверенности, просто чувство, что, если я сейчас перестану надеяться и отойду от двери – что-то в моем мире сломается.

Спустя минут десять несмело тренькнул звонок.

Я открыл так быстро, что Невезучка не успела оторвать палец от кнопки. Уже не нужны были никакие слова. Даже если бы я и собирался, не дай Бог, ляпнуть что-нибудь не к месту, то не успел. Дверь еще захлопывалась, когда она закрыла мои губы своими...

Ближе к утру, когда мы, усталые, лежали бок о бок, она повернулась ко мне. И произнесла первое слово с момента, как переступила порог моего дома:

– Спасибо.

– За что?

Она коснулась моего лба пальцем и усмехнулась:

– Непроходимый тупица. За мою жизнь.

– Не за что. Я не смог бы по-другому.

Она долго молчала, положив голову мне на грудь.

– Чего ты хочешь?

Я давно знал ответ на ее вопрос, но, на всякий случай, еще раз честно подумал.

– Не уходи.

– Ты думаешь, это насовсем?

– Да.

– Ладно.
И мы уснули.

Через шесть месяцев она ушла.

Приближался Новый год, и мы решили совместить его встречу с нашим полугодовым полу-юбилеем.

Позвали большую компанию друзей – в основном из бывших однокашников. У Вали не получалось вернуться домой вовремя – навалилось много всего с учебой. Я сам еле-еле успел все закончить – ценой того, что за последние трое суток спал часов восемь. Не надо объяснять, в каком состоянии я вернулся домой. Под подъездом, в предвкушении, уже собралась небольшая толпа приглашенных. Не рассчитав своих сил, я «поплыл» уже после третьей рюмки. Смутно помню, что Валя прислала СМС-ку о том, что задерживается...

Проснулся я ближе к полудню. Спросонья долго не мог сообразить, где оказался. На мне лежала чья-то нога. Приподнявшись, на другом конце ноги я с недоумением обнаружил пухлую брюнетку – недавнее знакомство одного из наших друзей. Брюнетка была густо размалевана. Вчера. Сегодня все размазалось. Сильно. К тому же она храпела, и, в такт мощным раскати-стым звукам, пульсировала моя раскальвающаяся с похмелья голова. Собравшись с силами, я выполз из кровати и побрел на поиски воды, зеркала и хоть кого-нибудь, кто не спит и помнит больше, чем я.

Квартира после многолюдной шумной гулянки всегда напоминает поле битвы. В этот раз противник воевал с особой жестокостью и пленных не брал. Среди лежащих вповалку и вперемешку тел не было только одного «бойца». Невезучки.

Позже я выяснил, что она, все-таки, приехала. Но, не пробыв и трех минут, выскочила из дома.

Больше я ее не видел. Она даже не забрала вещи. Мобильный, в который раз устало объяснял, что «абонент недоступен». Я даже несколько месяцев приплачивал пенсионерке, живущей напротив ее старой съемной квартиры, чтобы дала знать, если Валя появится.

Без толку.

И вот нашлась пропажа. На снимке с узкими, крест-накрест, прорезями, зачеркивающими лицо. Что означало – у Невезучки снова неприятности.

Не успел я рассмотреть фотографию повнимательнее, во все стороны поползла ненавистная радуга. Снова я наблюдал картинку со стороны. Звуков было не слышно. Но пантомима была понятна без этого. Сергей кричал на Невезучку. Та, похоже, уступать не собиралась. В какой-то момент лицо его налилось дурным багровым румянцем, и он отвесил хлесткую пощечину. От точки удара картинка пошла трещинами, и развалилась на несколько кусков. Каждый фрагмент показывал свое – не разбери поймешь что. Вот неестественно спокойная Валя укладывает чемодан. Вот Сергей держит наполовину сгоревшую сигарету и, размахивая ею, говорит по мобильнику. Вот кто-то, со спины не разобрать, ковыряется в замке гаража. Вот он же, перепачканный смазкой, возится со ржавой легковушкой. Вот почему-то снова Валя выезжает на этой развалюхе из гаража то ли раньше, то ли позже – не разобрать. Вот из окна разбитой вдребезги машины свисает тонкая рука. Вот Сергей, криво улыбаясь, пожимает руку кому-то, кто стоит спиной. И неясно, тот ли это, кто взламывал замок и возился с машиной или кто еще.

Было неясно.

Пока стоящий не обернулся. И я не встретился с лицом к лицу с убийцей.

Я отпрянул так, что опрокинул стул.

И очень хорошо сделал. Громкий звук милосердно оборвал радужное видение, сохранив мне остатки рассудка.

Меня сильно трясло. По телу обильно тек противный липкий пот. На дрожащих ногах я побрел в ванную умыться лицо. Потом приложил лоб к холодной кафельной плитке.

Прохладная вода журчит в раковине. Зеркало на стене отражает открытую дверь и часть коридора.

И силуэт в полумраке.

В первую секунду я застыл, не в силах поверить в происходящее.

А потом ледяные серые глаза двинулись мне навстречу.

Руки убийцы на этот раз были пусты. Он тянулся ко мне. Мне ничего не оставалось, как схватить его за кисти.

Убийца довольно оскалился, схватил меня покрепче и выдернул в коридор.

– Порядок! – сказал он кому-то у меня за спиной.

Обернуться я не успел. Сзади по голове прилетело чем-то тяжелым.

Сознание вернулось не сразу. Два голоса надо мной что-то бубнили, как сквозь вату. Глаза открывать я не спешил.

– А я тебе говорю, не надо его сейчас решать. Стемнеет, отнесем в машину. До стройки ехать полчаса. Куда повыше затащим и – приятного полета! Пристегните ремни – прохладительные напитки будут позже. На поминках.

– А очнется не вовремя? На хрена лишние напряги?

– Не успеет. А вот если экспертиза потом покажет, что он, три часа как мертвый, на верхотуру карабкался, вот тут напряги будут – не отмоемся.

Голос, оказался настолько знакомым, что этого просто не могло быть. Я открыл глаза.

– Ну, е.ть-колотить, Леха! Ну все у тебя наперекосяк! Даже отрубиться толком не можешь. Давай помогу.

С этими словами Сергей направился ко мне с куском водопроводной трубы.

И пришла тьма.

Сергей

– Да чего рассказывать-то по сто раз одно и то же? Вы ж и так вон – со всех сторон обложили, куда ни кинь – статья, одна другой веселее. Я ж как на духу... Драку на рынке организовать – легче легкого. Перетер, с кем надо. Намекнул – либо небольшие жертвы и разрушения, либо крупные неприятности от меня. А в отделении – вообще раз плюнуть. Мне этот придурок еще заладил потом – спасибо, спасибо! Выручил мол, вытащил, помог. Знал бы он, чего мне стоило задержать его дольше положенного. Потом уже, на дому, я и накачал его химией. А там, как крыша поедет, глядишь либо в психушку загремит, либо сам сиганет откуда повыше.

– Особенно, если ему помочь.

– А хотя бы и так. Главное, чтобы Валюха его из головы выкинула. Я ж за ней еще со школы сох. А он, вишь, пристал, как банный лист. Свезло ему, гаду ползучему, жили рядом. Вот и не отставал он от нее. Я даже пацанов пару раз подбивал отметить его по полной. Только хуже вышло. Она потом его жалела, а этот чмошник прям светился весь. Даром, что рожа в синяках. Ну а после школы ему вообще подвалило – Валька сдуру в овраг упала, а он тут такой весь из себя, на белом коне, б...ь, спаситель хренов.

Насилу мне их расцепить получилось, уже зимой, под Новый год. На большой тусовке, которую этот козел устроил. Я ему, лоху педальному, все подливал, подливал. А как он отрубился, взял деваху пострашнее, которая в полной отключке в обнимку с белым другом валялась, и свалил их на койке обоих. Так, чтобы сомнений не осталось – чего у них там и как. А приехала Валюха – сразу ее в спальню-то и отвел. Та, понятно сразу – в слезы-сопли и сдрыгнула. Ну баба, она баба и есть. А я за ней следом. Да в уши-то и напел, что надо ей мобилу выкинуть, чтобы оправдания лживые не слушать. Сменить обстановку и начать все сначала. С нормальным мужиком, который ее уж сколько лет, как любит. Ну, короче, и все такое прочее...

Говорю, говорю. Она кивает, вроде, и кивает. А сама идет, как сонная муха, ревет, и чего я ей там втираю – половины не слышит. Но домой ко мне дошли.

Почти три месяца пришлось мне с ней за ручку ходить. Потом, вроде, налаживаться стало у нас с ней. Особо веселой, правда, я ее больше не видел. Ну, так, может, оно и правильно – здоровая девка, чего лыбиться зазря. Молчит – не канючит, не капризничает, не пилит, как у других – и ладно. Я и доволен был, пока как-то во сне она не заплакала навзрыд. Да козла это по имени звать начала. Раз, другой. Я сперва смолчал. Через пару дней – опять. А на третий раз высказал я ей, все, что думаю. Я ж в лепешку для нее разбиваюсь, а она вместо благодарности...

Но извинений никаких не дождался. Наоборот, из нее ересь какая-то полезла про жизнь загубленную, вроде как я в этом виноват. В общем, слово за слово, надоело мне, отвесил я ей плюху. Так, не со всей руки, а чтобы охолонула чутка. Она не заревела, но с лица спала вся и сказала только: «Вот и все». Думал, утихомирилась. Ан нет – прислушался, дверцами шкафа хлопает, да молниями-застежками клацает. Вещи собирает.

И такое тут меня зло взяло, сколько сил, сколько времени положил на эту тварь неблагодарную! Я ж ей даже недавно машину подарил! Пусть она мне и задарма досталась, эта рухлядь, но все равно! Машину!

Машину...

Тут-то меня и осенило. Позвонил я Захару...

– Это которому?

– Да тому же самому. Мы с ним еще до армии всякие дела крутили. Только вернувшись, я в органы подался, а он...

– А он наоборот.

– Ну да, типа того. Пару раз я его отмазал, по старой памяти. Пару раз он мне по следствию помог. Где надо, пуганул, где надо, подкинул вещдоки туда, где они должны быть. В общем завязались мы с ним – не развяжешься. Вот я ему и позвонил, объяснил, как есть. Попросил, чтобы рысью мчал ко мне и подшаманил в машине, чего надо. Чтобы не уехала дура далеко. Все равно там такая рухлядь была – один черт никто не разберет, что сейчас поломалось, а что сроду не работало. А сам к ней пошел, уговаривать одуматься. Уговорю – не уедет. Не уговорю – у Захара больше времени будет.

– То есть убивать Вы ее не собирались?

– Да нафига? Думал, стукнется на первом же повороте, перепугается просто. А там я поеду вдогонку. Если чего-как – в больницу отвезу. Вроде как спасу ее. До больницы если дойдет – даже лучше. По ушам поезжу, куда она денется из палаты? Одумается и вернется. Поди, догадайся, что Захар меня не так поймет, да не перемудрит с машиной-то. Когда я подъехал – жестянка эта ржавая в хламину в кювете валялась. Выжить там было – без вариантов. Я и подумал, чего связываться буду? Потиху домой вернулся – я не я, и лошадь не моя. Когда случайно узнал, что Валька уж сколько в коме провалялась, да с того света, считай, обратно вернулась. Кто ж знал, что ей так повезет? Ну да теперь уж поздно было к ней ехать, вернуться уговаривать. Я зубами заскрежетать был готов. Точняк, ведь, к придурку своему помчится – мириться.

Придурку...

Тут-то меня второй раз осенило. Еще не вечер! Зайдем с другой стороны. Если хахаль ее скопытится или, скажем, в дурке окажется, никуда идиотка эта неблагодарная не денется. Ко мне вернется, не солоно хлебавши. Я сперва думал с ним просто подружиться, да подпоить его несколько раз химозой позабористее. А тут все один к одному пошло. Захар, оказывается, приволок ко мне, чтобы не светиться, му..ка одного, должника своего старинного. Тот два года от Захара скрывался. Думал, что пронесет. И вот возвращаюсь я, ничего не подозревая, домой, а тут – нате вам! Захар сидит, коньяк прихлебывает, поимку отмечает, и мужик на полу поскуливает. Перевязан крепко-накрепко, что твоя копченая колбаса.

– Вы обязаны были сообщить немедленно.

– И дружбана сдать? Который про меня много чего интересного рассказать может? Да и не собирался Захар его мочить. Кто ж должника убьет, пока надежда есть бабло вернуть? Потом – да, потом мог, конечно. Но это уже была бы не моя забота. Я сперва-то турнуть хотел Захара к едрене-фене. Мне ж еще надо было козла этого привести, подпоить. А после передумал. Понял, как можно Лехе цирк устроить – по полной программе. У меня давно уже, после одного дела раскрытого, дурь была припасена. От нее сперва пару минут будто засыпаешь с открытыми глазами. Ничего перед собой не видишь, сидишь, втыкаешь в одну точку. Потом чуток кино с мультиками смотришь. А после отрубаетесь на часок-другой-третий – разбудить можно, но постараться придется. Трясти там или шумнуть. Вот мы все и обставили – чин по чину. Прикинули – как придурок выключится, мы притащим должника-доходягу. Захар его окучит несколько раз дубинкой. А как Леха отрубится окончательно, все спокойно приберем. Так ему мультики раза три-четыре устроим – сам в больничку побежит. А не побежит, санитаров вызовем, когда он обдолбанный валяться будет.

Так бы и вышло.

Если бы у уroda, которого Захар молотил, не отказало сердце. Откинул копыта должник и свалил туда, где не догонишь. А когда догонишь, деньги без надобности окажутся. Захар, когда до него дошло, от злости пинать труп начал. Потом прикинул – чего терять-то, и, чтобы Леху пугануть по полной, ножом пырнул мертвяка пару раз. А как этот недоделанный отключился, отволокли труп в ванную, кровищу подтерли, взгромоздили Леху обратно на стул. Я протер ручку захарова ножа, сунул Лехе в кулак, сжал получше. Потом убрал нож в пакет для вещдоков – готово дело! Захар слинял в ванную. Я подсунил спящему в руки упавшую на пол газету, в которую тот втыкал перед отрубом. Потом вернулся на кухню и загрохотал посудой. Доброе утро, страна! Очухался придурок, собрал манатки и двинул домой. А мне того и надо – дело еще невпроворот. Только напоследок пригласил его еще раз – на завтра, типа на шашлыки, чтобы окончательно разобраться.

За ночь мы с Захаром отвезли тело в ближайший лесок и ветками закидали. Но не сильно – чтобы быстро нашел кто-нибудь. Как найдут, у меня уже улика есть наготове железная – хрен отвертишься. И алиби у него не будет, если я не подтвержу.

Наутро Леха прибегает в истерике, лопочет чего-то несуразное. Ну, думаю, со вчерашнего еще не отпустило. Лови еще! Напоил его заряженным кофе. А как обдолбыш опять в точку ушел, пошли мы с Захаром погулять – запасы закуси с выпивоном на вечер пополнить. Да и обстановку проверить. Может чего Лехе и привиделось, а может и не совсем. Знать бы, что вы уже к тому времени нас чуть не всей бригадой пасли, с крыш, да чердаков... А на улице все чисто было. С тем и вернулись в дом. Прятаться смысла особого уже не было. Но надо было еще придурка упаковать по-тихому до вечера. Поэтому дверь открыли неслышно. Захар пошел в ванную, на плеск воды. Вытащил родимого, в коридор, я его по башке приложил...

И оставалось-то ерунда – в машину этого козла, как стемнеет, отнести, да на небеса пристроить. А там картинка ясная – несчастный случай в состоянии наркотического опьянения. И, до кучи, рядом нож с его пальчиками и кровью убитого накануне мужика. Шах и мат!

Но тут уж вы к машине с браслетами подоспели, пока мы с Захаром сучонка этого в багажник кантовали...

Ну, все, короче, дальше и так понятно. Давайте протокол...

Алексей

Когда я открыл глаза, надо мной в белом халате стоял человек в зеркальных очках. Который чуть не догнал меня у подъезда Сергея.

Как я теперь понимаю, зря не догнал.

В руках он держал тонкую папку. С белыми в далеком прошлом завязочками. Я знал, что это совпадение. Но, если бы место на больничной койке позволяло, отодвинулся бы как можно дальше.

– Долго же вы выкарабкивались, Алексей! Рад, что это вам удалось. Помните меня? Некогда мы вместе участвовали в одной утренней пробежке.

– Снимите очки, пожалуйста. У меня ощущение, что я разговариваю со стрекозой.

– Извините, привычка. У меня к вам несколько вопросов. К сожалению, доктор дал всего пару минут, так что я зайду попозже. А до этого времени, улучите минутку, ознакомьтесь с откровениями одного вашего знакомого. Глядишь и в норму быстрее придете.

– Его поймали?

– Поэтому мне и нужно кое-что уточнить.

– Сколько я пролежал?

– Порядочно. Пару раз все висело на волоске. Но теперь все позади. У вас очень хорошая сиделка. Она несколько дней назад ознакомилась с материалами, которые я сейчас передал вам. А только что всерьез пообещала оторвать мне голову, если я задержусь больше положенного. Поправляйтесь!

Дверь захлопнулась.

В прошлый раз я не лежал в палате, а подпирал входную дверь. Но дежавю слабее не стало. Я снова ждал того, чего не могло быть. Я надеялся, что, если очень сильно верить, произойдет невозможное.

Не успела дверь в палату полностью открыться, я произнес:

– Привет, Невезучка!

Июль – август 2011

Радость полета

Сборы не заняли много времени. Сумка набивалась, исходя из двух соображений – не брать ничего лишнего и не оставлять ничего своего. В результате были упакованы: электро-бритва, пара футболок, трусы-носки, зарядник для мобильного и даже наполовину решенный сборник японских кроссвордов с парой гелевых ручек в придачу. Притом, что бриться было незачем, переодеваться тоже, а кроссвордам явно суждено остаться неразгаданными. Но, даже вместив эти, явно бесполезные теперь вещи, сумка все равно осталась полупустой.

Смешно.

До чего мало, на самом деле, нужно человеку, если отбросить все лишнее.

Уже в дверях появилась запоздалая мысль оставить напоследок записку. Нет, пожалуй, не стоит. Ловко складывать слова в предложения никогда особо не выходило. А тут еще надо суметь высказать все, что накипело, в пару строчек – идея, принципиально неосуществимая. Да и ради чего стараться? Даже клинический идиот, сделав пару шагов от порога, все увидит

[...манекены...]

и поймет.

Щелчок дверного замка, натужный скрип старого лифта, вечно заедающая кнопка на двери подъезда.

Улица встретила солнечным светом и радостными птичьими трелями. Вообще-то первым желанием было прогуляться по городу – набраться напоследок впечатлений. Но наблюдать суесящихся в больших количествах счастливых хомо сапиенсов было невыносимо. Ноги сами собой направились к парку.

Посреди шелеста листвы, неторопливого плеска воды на душу опустилось ощущение... нет, не покоя, какой уж тут покой, но некоего блаженного оцепенения. Время замерло. Маятник, качнувшись, застыл в наклонном положении. Капля воды повисла в воздухе. Действие недавнего всплеска адреналина давно закончилось, измотанный организм требовал отдыха. Незаметно подступил сон...

Глаза открылись вдруг, как будто толкнул кто, когда солнце уже перевалило за полдень. Парк свою службу сослужил, дал передышку, пора было двигаться дальше.

Но куда?

Есть не хотелось, разве что самую малость. А вот развлечься-отвлечься, насколько это возможно в данных обстоятельствах... Что-нибудь яркое, красочное, захватывающее. И при этом контакты с окружающими свести к минимуму. Пожалуй, кино – самый подходящий вариант.

На углу улицы, в новенькой форме, томился от безделья молоденький румяный летеха-полицейский.

Мелькнула шальная мысль: может быть, стоит подойти к нему, объяснить

[...о манекенах...]

все? Нет. Слишком счастливым выглядит лейтенант. Сытому голодного не понять.

Боль не отпускает. Как беспрерывно ноющий зуб, память снова и снова разворачивает цепочку рисунков нелепого комикса. Вот неожиданно, в честь грядущего праздника, скряга-начальник отпускает всех с работы на пару часов раньше. Вот уже куплен букет. Торопливо звенит связка ключей, дверь нараспашку...

Наверняка с пещерных времен сотни и тысячи мужей точно также торопились домой. И так же на несколько секунд застывали безмолвными истуканами при виде открывшейся картины.

А дальше каждый реагировал по-своему...

Фильм оказался – самое то. Стрельба, беготня, движуха, заботливо прорисованные монстры и обязательный, куда ж без него, хэппи-энд. Даже настроение слегка улучшилось. Надо бы закрепить его старым проверенным способом. Вот и магазин соответствующий прямо напротив кинотеатра.

Полки пестрели яркими манящими этикетками алкоголя всех сортов. Столько всего хотелось попробовать! Однако сейчас не до экспериментов – все равно печени на все не хватит, да и случай не тот. Надо взять пусть и немного, но что-нибудь поблагороднее – дорогое, солидное и проверенное. После недолгих колебаний выбор пал на небольшую бутылочку Hennessy XO. В подарочный набор в красивой коробке входил пузатый коньячный бокал, что было как нельзя более кстати. Оставалось прихватить – гулять, так гулять! – плитку черного шоколада, лимон, салфетки и виноградную гроздь побольше.

Так, с этим разобрались, но где бы расположиться так, чтобы и с городом попрощаться, и не мешал бы никто? Надо бы наверх куда залезть, на крышу. И людишки-букашки далеко и обзор – любуйся, не хочу. В такой ситуации красивый вид – не последнее дело.

Говорят, в свое время, известного французского романиста Ги де Мопассана стали регулярно замечать в ресторане на первом уровне Эйфелевой башни. Притом, что распоследний клошар знал – писатель люто ненавидит это сооружение – за то, что обезображивает вид Парижа. На недоуменные расспросы Мопассан отвечал, что это единственное место, откуда можно любоваться панорамой города, не замечая железную уродину.

Башня, конечно, не вариант, но вот забраться повыше – идея здравая.

Выбранная наугад крыша оказалась идеальной. Плоской, не покатой. Ухоженной – на удивление чистой, ни следа голубей, и по-своему уютной. Даже ненавязчивый бортик по периметру нужной высоты – ни большой, ни маленький. В самый раз облокотиться.

Напитка королей оставалось все меньше. Алкоголь мягко туманил мозг. Крыша отдавала спине и натруженным ногам накопленное за день тепло.

Вроде бы уже пора и закругляться, но...

Когда-то в одной книжке было написано, что иногда, при определенных условиях, на закате последний солнечный луч бывает не желтого, не красного, а глубокого, изумительного, изумрудно-зеленого цвета.

Захотелось дожидаться заката. Какая ирония! Всю жизнь бояться показаться другим, да и себе тоже, мягкотелым романтиком. И тут на тебе!

Но закат... Это было так... символично. Так подходяще.

Статистика победила и на этот раз. Луч оказался обычным. Ну и ладно, когда-нибудь, в другой жизни. Все равно было сказочно красиво.

Край крыши притягивал взгляд.

Бортик по-прежнему оставался невысоким и очень удобным – в самый раз вскарабкаться.

Вся жизнь перед глазами проноситься пока не спешила. Она вообще особо не баловала. Но было ведь и хорошее... Соты с липовым медом и цветущие яблони. Первый поцелуй с девчонкой. Ее лицо и имя давно стерлись, но мягкие влажные губы, пахнущие клубникой, кажется, еще только что прикасались к лицу. Рельсы в метро, медленно наливающиеся золотом от фонаря выезжающего из-за поворота поезда. Теплый ласковый ветерок на морском пляже. Раннее утро в постели с той единственной, которая... которая...

Если бы все-таки довелось оставить утром записку в пустой

[...с манекенами...]

квартире, то там стоило бы написать: за что??

За что вы со мной ТАК?!

А может быть, плюнуть на все и попытаться начать сначала? Придется, правда поговорить с тем лейтенантом на углу, со всеми вытекающими...

НЕТ!!!

Брошенный вниз взгляд скрутил тело судорогой под стать электрошокеру. В каждую ногу в старой разношенной кроссовке вцепилось... по манекену.

Этого не могло быть. Они остались там, в квартире. То же неестественное положение тел, мутный, остановившийся взгляд, бледные до синевы губы, темные, засохшие пятна кетчупа на коже...

Это всего лишь призраки в голове. Они тихо лежат очень далеко отсюда. Окончательно и бесповоротно. Они не имеют права находиться сейчас здесь, на этой крыше! Это... это просто несправедливо...

Манекены не исчезали. Теперь уже, куда ни денся – в тюрьму, в монастырь, на дно морское – они всегда будут рядом.

Мертвые. Молчаливые. Беспощадные.

И убежать можно только одним способом...

Что ж, значит, теперь точно пора!

Широко раскинутые руки. Свист ветра. Невероятное ощущение легкости и свободы...

Сентябрь 2011

Лилия

Андрей сидел на холодном полу подвала и ждал. Время от времени он бросал нетерпеливые взгляды на крышку люка в потолке. Скоро она откроется. Его любимая девушка вот-вот освободит его.

И он впервые назовет ее по имени.

Все началось три месяца назад.

Андрей выскочил из дому поздним вечером, чтобы запастись пивом. Скоро начнется матч, а без холодной баночки в руках и футбол не футбол. У подъезда были навалены какие-то сумки, немного мебели и другое барахло. Деловитые грузчики вытаскивали из кузова последние вещи. Андрей чуть не споткнулся об объемистый баул и чертыхнулся про себя: кто же это додумался переезжать на ночь глядя?! Впрочем, сейчас не до этого. Надо поднажать, а то придется пропустить не только жеребьевку.

Очередь в магазине, как назло, тянулась медленно. Чтобы поменьше думать о том, что первый тайм уже идет, Андрей стал размышлять о странной парочке новых жильцов. Он видел их мельком, когда пробежал мимо. Пожилой мужчина и девушка стояли чуть в стороне, чтобы не путаться у грузчиков под ногами. Мужчина был высоким и широкоплечим. Андрей даже подумал сперва, что новый жилец не так уж и стар. Но полностью седая шевелюра, глубокие морщины, неприятно заострившийся нос, глубоко запавшие глаза и мертвенно-бледный цвет лица, который не смогли скрыть даже густые вечерние сумерки, говорили сами за себя. Спутницу старика Андрей почти не разглядел. В памяти осталась лишь стройная фигурка и пышная копна соломенно-светлых волос, рассыпанных по плечам. В тот момент Андрею показалось, что девушке не больше двадцати. Но теперь, вспоминая увиденное, он уже не был так уверен в этом. Лицо незнакомка прятала на груди обнимавшего ее мужчины. Стройность фигуры, бывает, сохраняется и в старости. А цвет волос в наше время – дело наживное.

Кассирша, наконец-то, пробила чек, и Андрей рванул домой с низкого старта. До подъезда оставалась пара метров, когда он поневоле замедлил шаг. Парочка стояла на том же месте, застыв неподвижным изваянием. Скорее из любопытства, чем из необходимости следовать хорошим манерам, Андрей пожелал им доброго вечера.

Ответа не последовало. Мужчина испытующе-пронзительно посмотрел и молча отвернулся. Светловолосое создание бросило лишь один короткий взгляд.

Этого мгновения хватило, чтобы Андрей погиб.

Безупречный профиль юного личика. Трогательный глаз лани. Мокрая от слез щека.

Щемящая сердце смесь восхищения, сострадания и нежности сладким ядом разлилась по телу, затуманивая мозг и будоража кровь.

В следующую секунду седой мужчина сморщенной белесой ладонью мягко, но непреклонно развернул лицо девушки к себе.

Андрей едва не бросился на помощь, чтобы вырвать несчастную из цепких объятий старика. Против воли на ум пришел заезженный художниками сюжет, когда демонического вида шипастое и клыкастое чудовище обхватывает крыльями хрупкую белокурую красавицу. Пришлось на несколько секунд уставиться в землю и глубоко дышать, ожидая, пока пройдет наваждение.

В тот вечер Андрею было не до футбола. Он просидел перед телевизором до конца матча с распечатанной, но так и непочатой банкой пива. Каждые несколько минут приходилось сосредотачиваться на игре, вспоминая, кто с кем играет. Стоило чуть задуматься, и перед глазами возникало заплаканное лицо незнакомки. Кем же, все-таки, эти двое приходятся друг другу?

Учитывая разницу в возрасте, девушка вполне могла годиться мужчине в дочери. Нет, неизбежное в таких случаях сходство лиц отсутствовало. И объятия вовсе не походили на отеческие. Муж и жена? Но нечасто встретишь такую необычную пару.

Тем временем матч подошел к концу. Андрей с облегчением посмотрел на счет – его любимая команда вновь победила. Однако через минуту он и думать забыл о футболе. В тишине, воцарившейся в комнате после выключения телевизора, отчетливо слышались звуки передвигаемой мебели и голоса.

Слов было не разобрать, только еле уловимый гул. В этом не было ничего особенного – стены старого дома никогда не славились толщиной и звукоизоляцией. Вот только квартира, находящаяся с той стороны, откуда доносились звуки, уже пятый год пустовала.

Выходит, загадочная пара поселилась с ним по соседству.

Недели две не происходило ничего особенного.

Девушка, если и выходила из дома, то крайне редко. По крайней мере, Андрей ни разу не видел ее с того раза, когда торопился к началу матча. Если бы не певучий тембр голоса за стеной по вечерам, он бы уже начал сомневаться – не привиделась ли ему незнакомка. Зато мужчина исправно встречался на лестнице – то с пакетами из продуктового неподалеку, то с мешком мусора. Они даже обменивались короткими банальными приветствиями. Лишь на пятый или шестой раз Андрей обратил внимание на небольшую странность. Здороваясь с ним, старик никогда не смотрел в глаза. Он сосредоточенно вглядывался в какую-то, одному ему известную точку – то ли на подбородке, то ли на шее собеседника.

Со временем звук голосов за стеной стал меняться. Если сперва это был спокойный и негромкий гул, то изо дня в день тон говорящих все повышался. И однажды разразился настоящий скандал.

Андрей испытывал противоречивые чувства. Он не собирался подслушивать и уж, тем более, не хотел вмешиваться в отношения незнакомых людей, но... Невнятные обрывки слов. Ощущение, что еще чуть-чуть, и уловишь смысл сказанного, а он снова и снова юркой рыбкой ускользает от понимания. Сочувствие неизвестной девушке. Все это сводило с ума. В конце концов, убедив себя, что просто хочет помочь и действует из самых лучших побуждений, он распластался по стене, плотно прижавшись к ней ухом. Громкости прибавилось, однако звуки были, по-прежнему, неразборчивы. Отчаявшись, Андрей воспользовался стаканом, приставив его к стареньким потрепанным обоям. Стало гораздо лучше. Но к тому времени спорщики, похоже, уже высказали друг другу все, что накопилось, и скандал утихал. Получилось разобрать лишь несколько заключительных фраз.

На повышенных тонах говорил, в основном, мужчина. В его голосе причудливым образом переплетались сердитые и умоляющие нотки. Он произнес что-то вроде:

– Дай мне хоть немного... мне очень нужно...

Девушка отвечала гораздо тише и мягче, поэтому удалось разобрать лишь:

– ...койся... все бу... рошо...

Несмотря на примирение, бурные выяснения отношений с вечера и до глубокой ночи вскоре стали обычным делом. Андрей больше не подслушивал, но не обращать внимания на происходящее становилось все труднее. Несколько раз он собирался с духом, подходил к соседской двери, подносил палец к кнопке звонка, и... боялся того, что может произойти дальше.

Нет, он был вовсе не робкого десятка. Просто, когда в памяти всплывал образ плачущей девушки... Девушки его мечты в объятиях другого... Когда Андрей вспоминал, чего ему сто-

ило сдержатъ себя в тот вечер... Он всерьез опасался, что может сорваться и натворить каких-нибудь непоправимых глупостей.

Во время очередной шумной разборки, когда дошло уже до битья посуды, находиться в квартире стало просто невозможно. Андрей оделся, накинул ветровку и вышел на улицу. Подальше от криков – пока не улягутся страсти и в соседней квартире, и в его душе.

Ночь дышала покоем и безмятежностью. Но из торопливых, нервных шагов сложился не один километр, пока пришло долгожданное умиротворение. Пора было возвращаться назад – небо вот-вот начнет светлеть. Впереди показались очертания родного дома, когда за спиной послышался быстрый цокот каблучков. Яркий свет витрины магазина выхватил из тьмы пышные светлые волосы – того чудесного соломенного оттенка, который был похож...

Неужели?!

В оцепенении Андрей наблюдал, как незнакомка подходит все ближе. Она остановилась за пару шагов и посмотрела на него – без опаски, скорее с легким удивлением. Это был взгляд девушки, знающей о своей красоте и ясно представляющей силу ее воздействия. При этом не ощущалось ни капли высокомерия или надменности. Заметив реакцию застывшего столбом Андрея, красотка лукаво улыбнулась. Затем плавным элегантным движением совершила полный поворот, заставив развеяться свои волосы и изящный легкий плащ. Это было живое воплощение Совершенства. Куда подевалось трогательное плачущее существо с бледной просвечивающей кожей? Перед Андреем стояла настоящая царица Ночи! Озорной блеск серых глаз. Натуральный румянец во всю щеку (наверное, от быстрой ходьбы). Уверенные, отточенные жесты.

Оценив произведенный сногшибательный эффект, девушка неожиданно по-детски прыснула в ладошку. Ее безупречный носик очаровательно сморщился. Отсмеявшись, она без тени смущения обратилась к Андрею:

– А я тебя помню. Ты живешь с нами в одном доме. Успел в тот раз на футбол?

– Почти. Как ты догадалась?

– По пиву. И спешке. Важных гостей пивом не угощают. Только таких, с кем ты на короткой ноге. Но в этом случае они легко подождут и десять минут, и полчаса. Если бы ты просто покупал его для приятелей, то не спешил бы, сломя голову. Значит, старался успеть к сроку – к чему-то, что так или иначе началось бы без тебя. Первое, что приходит на ум – телевизор! А что мужчины предпочитают смотреть по телевизору, прихлебывая пиво? Вряд ли любимый сериал.

– Да уж, не поспоришь – в яблочко... – Андрей собрался с духом. – А можно бестактный вопрос?

– Ну, попробуй.

– Почему вы все время ссоритесь?

– Действительно бестактный. Все равно как, если бы я спросила, почему ты живешь один?

– Это у меня что, на лбу написано?

– Практически.

– А серьезно?

– А серьезно – ты сам проговорился.

– Когда?

– Только что. Когда спросил меня про ссоры. Раз ты в курсе, значит, живешь в соседней квартире и слышишь наши... домашние сцены. Причем слышишь не очень отчетливо, иначе бы знал причину и не спрашивал. Но будь у тебя подружка, – девушка слегка усмехнулась, – она давно запилила бы тебя, чтобы ты проявил характер и разобрался с несносными соседями.

– Как просто.

– А то. Как сказал один человек: «Логика – это ужасная, непреодолимая сила!» Ну и почему ты один? Причина достаточно уважительная?

– Самая банальная. Не встретил ту единственную, которая... Окончание фразы можешь придумать сама.

– Тогда я тоже ограничусь недомолвками. Я... не могу объяснить, что происходит, но, пожалуйста, не говори Косте, что видел меня. Это его... очень расстроит.

– Косте?

– Моему мужу.

– Как тебя угораздило выйти за этого старого зануду?

– Он не зануда. – В голосе девушки явственно слышалась печаль. – И не такой старый, как кажется. Просто... у него довольно трудная жизнь – постоянные стрессы, нервы. И это наложило на него отпечаток. К тому же сейчас, как ты уже заметил, у нас немного не ладится. А я его люблю и не хочу расстраивать по пустякам.

– Каким?

– Он боится выпускать меня из дома. Ему не нравится, когда я гуляю одна. Очень волнуется, как бы чего не случилось. Честно говоря, у него есть повод для беспокойства, но не могу же я сидеть взаперти вечность. Не скажешь? Пожалуйста...

– При одном условии. Я до сих пор не знаю, как тебя зовут.

В глазах девушки блеснули лукавые огоньки.

– Лилия.

Она потянулась к Андрею. Поцелуй длился всего мгновение. Потом дверь подъезда хлопнула, заглушив drobный перестук ее каблучков.

А он все стоял и стоял под ослепительно яркой полной луной. И улыбался от уха до уха.

На какое-то время все вернулось в свою колею. Даже голоса за стеной то ли стали спокойнее, то ли воспринимались уже, как должное. Но это было затишье перед бурей. Судя по всему, муж все-таки узнал о ночных вылазках Лилии и совершенно вышел из себя. Когда-то Андрей воспользовался стаканом, чтобы быть в курсе происходящего. Теперь же он мечтал о шлеме танкиста. Громовой бас рассерженного мужчины пробивал стену, как пуля – листок бумаги.

– Ты не имела права так поступать! Кто клятвенно обещал, что шагу не ступит за порог без моего ведома? Ты понимаешь, какие мне придется принять меры?

И дальше еще долго в таком же духе, все громче и громче, нарастая до неистового крендо. Андрей, на этот раз твердо решивший вмешаться, уже направлялся к дверям, когда Лилия что-то резко, почти истерично ответила. Слов было не разобрать, но возглас был коротким и хлестким, как пощечина.

На этом все звуки из-за стены оборвались, как будто их отрезали ножом. Неожиданное безмолвие, однако, покоя не принесло. Это была тишина перетянутой до предела струны, готовой с оглушительным звуком лопнуть, упади на нее хоть пылинка. Андрей проворочался остаток ночи, не сомкнув глаз. Заснуть удалось лишь под утро.

В результате он здорово проспал и опоздал на встречу с заказчиком. Хорошо хоть клиент был давним, хорошим знакомым и не стал скандалить, а отнесся с пониманием. В благодарность Андрей засиделся над его проектом допоздна.

Возвращаться домой пришлось за полночь. Глаза слипались, ноги налились неподъемным свинцом. Последнюю пару сотен метров до подъезда Андрей спал на ходу, положившись на автопилот, когда его чуть не окатил водой из лужи проезжавший мимо грузовик. Сзади на кузове белела надпись: «Перевозка мебели круглосуточно». Глядя машине вслед, он вяло размышлял, где и когда видел недавно точно такой же лозунг. Но тут грузовик повернул направо и...

Остатки сна окончательно улетучились. В свете придорожного фонаря сквозь боковое стекло кабины мелькнула знакомая соломенная челка.

Нет! Лилия не может уехать, не может бросить его одного! Ее нельзя потерять!

В этот момент Андрей вдруг осознал, что для него значит эта хрупкая, полужнакомая, принадлежащая другому девушка.

В отчаянии он чуть было не бросился за грузовиком, но тот уже скрылся за поворотом. Запоминать номер было слишком поздно.

Ноги сами собой зашпешили к дому. Мозг судорожно перебирал варианты. Это ошибка, просто ошибка. Он обознался. Надо сейчас же пойти к соседям и убедиться, что никто никуда не выезжал. Предлог? Плевать! Все, что угодно – соль закончилась, зашел поболтать по-соседски. А если все-таки... Гнать, гнать эту мысль... Машина! Точно такой же рекламный слоган был на грузовике в тот день, когда он первый раз увидел своих соседей. В крайнем случае придется звонить в эту контору, выяснять про сегодняшний поздний рейс.

Подъезд. Лестница. Дверь. Звонок. Долгая трель гулко отдается от стен квартиры.

Не дождавшись ответа, Андрей, слабо соображая, что делает, пнул в сердцах хлипкую дверь так, что косяк с жалобным хрустом продавился внутрь.

Терять было нечего. Он зашел в квартиру и осмотрелся.

Пусто.

Обои с полустертым рисунком, свисающие ключьями. Ветхие, рассыпающиеся занавески. Через пару-тройку недель пол покроется слоем пыли и квартира вновь примет нежилой вид. Умом Андрей понимал, что Лилии здесь нет, что она вряд ли когда-нибудь вернется сюда. Но сердце упрямо не желало мириться с утратой. Он методично обошел комнату за комнатой, заглядывая во все закутки и спотыкаясь о старую разохшуюся мебель, брошенную еще первыми хозяевами квартиры. Ничего. Ни малейших следов недавних жильцов. Как будто ночной переезд, невнятные голоса по ночам, поцелуй под полной луной – оказались миражом. Пора было возвращаться. Андрей уже направлялся к выходу, когда под старой, полуразвалившейся кроватью увидел то, что принял сперва за рулон старого тряпья.

Опустившись на колени, он наклонился пониже, заглянул в неширокую темную щель...

И с криком отпрянул назад.

Под кроватью с широко открытыми глазами лежал мертвец.

Когда первый шок прошел, Андрей, преодолевая отвращение, вытащил беднягу на середину комнаты. Это был пожилой, плохо одетый и, по-видимому, сильно пьющий человек. Лохмотья, в которые он был облачен, покрывал равномерный слой пыли. Видимо потому, что его, как свернутый в рулон ковер, просто закатали под кровать. Лицо и кисти рук, не закрытые одеждой, были бледно-синюшного цвета. Но самое странное и жуткое – на лице покойника застыла безмятежная блаженная улыбка. На отравление или сердечный приступ не спишешь, а внешних повреждений, вроде бы, не имелось. В то же время Андрея не оставляло ощущение, что он где-то видел нечто подобное... Какая-то сумасшедшая, невозможная ассоциация. Повинуясь безотчетному порыву, он перекатил набок голову усопшего, обнажив шею.

И тут все окончательно запуталось. На сонной артерии мертвеца темнели две точки, прекрасно знакомые любому, кто хоть раз в жизни смотрел малобюджетный фильм ужасов.

В голове завертелась карусель образов и воспоминаний. Руки старика, жадно обхватившие стройную женскую фигурку. Косые взгляды на лестнице, направленные на шею собеседника. Ночной образ жизни. Слова Лилии, что ее муж не такой старый, как кажется. Может быть, он в тот раз истолковал ее слова неправильно? А она не могла сказать всей правды и намекала, что, на самом деле, этот человек (человек ли?) гораздо старше?

Лилия! Лилия в опасности! Если он правильно уловил суть подслушанного тогда разговора, это чудовище в человеческом обличье просило девушку... дать утолить свою жажду. Отсюда и постоянные скандалы. Она хочет вырваться из-под власти мужа, но если допустить на

секунду, что старик действительно является... этим существом, то несчастная не в состоянии оставить своего господина. Андрей постарался припомнить все, что знал по этому вопросу. Вроде бы связь распадается только со смертью хозяина или слуги. Но слуга физически не может причинить вред хозяину.

Значит...

Значит, если не останется другого выхода, разорвать эти узы придется Андрею.

Первым порывом было – обратиться в полицию. Естественно, не рассказывать всего. Но позвонить, сообщить о погибшем, рассказать, кто здесь жил. Константина этого поймают и посадят...

Да, так будет правильно. Кем бы ни был загадочный старик, не нужно без необходимости брать грех на душу. Сперва стоит попробовать легальные варианты. Но быть готовым к тому, что, когда они не сработают, для освобождения Лилии ее мужу придется погибнуть. А то его запросто могут всего лишь посадить на долгий срок. Что при бесконечной продолжительности жизни ничего не решит. И это еще в случае, если его удастся поймать. А могут быть расклады и похуже. Например, Лилия попадет под подозрение в соучастии и ее тоже арестуют. Или сам Андрей не сможет внятно объяснить, как он попал в пустую запертую квартиру с трупом. Да и мертвец-то – если не бомж, то уж точно не олигарх. Будут ли служители правопорядка усердно рыть носом землю ради такого – пойди угадай. Значит, придется начинать самому. В крайнем случае, силовиков можно подключить в самом конце. Когда он найдет логово преступника и доказательства его вины.

А до той поры не нужно поднимать никакого шума. Если все получится, можно после предъявить полиции и тело этого несчастного. Будет дополнительный гвоздь в гроб нечисти. Но сейчас, если что-то пойдет не по плану, надо замести следы, чтобы Андрея и счастливого покойничка ничего не связывало. Значит тихо и быстро делаем генеральную уборку и уничтожаем все пальчики. А тушку усопшего, дабы ее не обнаружили раньше времени по тошнотворному запаху, закатываем в полиэтиленовые мешки.

За работой ночь пролетела незаметно. Закончив, Андрей отправился к себе и провалился в чуткий, нервный сон. Проснулся только под вечер, совершенно разбитый. Но откладывать намеченное было бы непростительной глупостью.

Полчаса ушли на поиски телефона компании грузоперевозок и разговор с диспетчером. На Андрея снизошло вдохновение. Серьезным напористым тоном он напелл девушке-оператору о ценных документах, якобы забытых съехавшими жильцами в оставленной квартире. Через пять минут выяснились и номер заказа, и адрес доставки.

И то, что ехать по этому адресу бесполезно.

После погрузки всех вещей заказчик изменил пункт назначения. Поэтому, куда на самом деле отправлялась машина, диспетчер, при всем желании, сказать не могла. Вчера дежурила ее сменщица, но она сейчас отсыпается дома. А водитель с бригадой грузчиков снова на выезде – в районе новостроек. С таким же успехом они могли отправиться на Луну. Любой ребенок знал, что мобильная связь в той части города практически отсутствует. Приуныв, Андрей смирился с мыслью, что поиски придется отложить до завтра. Он уже собирался положить трубку, как вдруг услышал в высшей степени любопытную информацию о том, что один из грузчиков той бригады попал в больницу. Это показалось бы простым совпадением, если бы не улыбающийся покойник, отдыхающий в пустой, отмытой до зеркального блеска квартире. Охая, ахая, поддакивая и притворно ужасаясь, Андрей, с легкостью заправского жиголо, выведал у собеседницы имя захворавшего и название клиники. После чего наскоро попрощался и, не теряя ни минуты, рванул в больницу.

Всю дорогу не отпускали тревожные раздумья. Захочет ли больной рассказывать о прошедшем? Будет ли вообще в состоянии разговаривать? А может быть, это действительно совпадение и странное недомогание не связано с теми, кого он ищет? Мелькнула отчаянная мысль, не прикинуться ли каким-нибудь следователем, чтобы разговорить пострадавшего.

Но переживания оказались напрасными. Все прошло, как по маслу, без противозаконных уловок. Пациент четвертой палаты 26-й городской больницы Куприянов Николай Иванович оказался разговорчивым, словоохотливым человеком. Так что приехать именно вечером, когда время посещения подходило к концу, было удачной мыслью. Иначе заскучавший в четырех стенах балагур разливался бы соловьем несколько часов подряд. Только увидев, что отчаявшийся добраться до сути Андрей потихоньку пятится к дверям, говорун перешел от пространного изложения обстоятельств своей жизни к описанию вчерашнего рейса.

– Ну, вот я и говорю, мы уж, почитай, пошабшили. Осталось занести всякую мелкую шушеру. Да и вещей было не особо много. Даже странно. Я тебе по опыту скажу – если хоть одна баба соберется куда переехать, у нее шмоток будет, обуви, косметики, прочих придамбасов по женской части – мое почтение! И чем она красивее, тем больше этого добра. Хотя, если рассудить, столько всего разве что распоследним страшилищам надо, а вот поди ж ты. Но в этот раз не так все оказалось. Деваха-то, – тут Николай Иванович восхищенно почмокал губами, – высший сорт! А вещей – и полкузова не забили, даже если с мебелью посчитать. Поэтому пошабшили в тот раз быстро. Ну вот, значит, мужики вниз, к машине пошли. Михалыч, бригадир наш, с хозяином рассчитывался. Я последний мешок барахла занес... А дальше... Дальше провал. Только помню, Михалыч мне по мордасам с обеих рук навешивает, в чувство привести пытается. По лестнице он меня свел, в машину посадил, там я и сомлел. Как меня скорая забирала, не помню. Очнулся уже тут, на койке.

В этот момент хмурая медсестра пришла выдворять назойливого посетителя. Николай Иванович на клочке бумаги наскоро нацарапал адрес. Андрей пожелал ему скорейшего выздоровления и поспешил на выход.

Что ж, время потрачено не зря. Отметины на шее покойника, мирно отдыхающего в пустой квартире – не случайность. Андрей заметил это, едва подошел к койке внезапно заболелого грузчика. У разговорчивого пациента была точно такая же пара точек. В том же самом месте. Может быть, дражайший Николай Иванович увидел что-то, чего не должен был увидеть? Возможно, Лилия попыталась попросить его о помощи, рассказать, что она тут находится против воли. А ее загадочный муж пресек на корню эту попытку.

План на завтра стал простым и понятным. Добытый адрес Андрей предусмотрительно выучил наизусть. Завтра он поедет в этот дом и постарается выволить Лилию самостоятельно. Надо только дождаться, когда ее бледный страж покинет квартиру. Если же миром увезти девушку не получится, придется обратиться в полицию. Правда, если Лилия откажется давать показания против своего мужа, доказать его опасность для окружающих будет непросто.

Однако, отбросим пока юридические тонкости – завтра он снова увидит самую прекрасную девушку на свете! Поставив будильник на два часа раньше обычного, Андрей провалился в сон.

Простой четкий план провалился в самом начале. Приехав по указанному адресу, он обнаружил пышущую праведным негодованием, как вулкан раскаленной магмой, хозяйку квартиры в окружении сердобольно кудахтающих соседок. Инстинкт самосохранения выпустил в небо три красных ракеты и врубил на полную катушку пожарную сирену. Андрей на ходу перестроил свою легенду о забытых съехавшими постояльцами документах, в мгновение ока превратившись в незадачливого кредитора, разыскивающего бывшего соседа по подь-

езду. Сокрушаясь о легкомысленно одолженной вероломному нечестивцу кругленькой сумме, Андрей усыпил бдительность подозрительных кумушек и через десять минут узнал все подробности.

Парочка, которую он преследовал, не усидела на новом месте и двух суток. Зачем вчера, ближе к полуночи, ее великовозрастный сын приходил к постояльцам, хозяйка не знала, и знать не хотела. Но через дверной глазок соседка напротив видела, что высокий худой старик тащил гостя, как нашкодившего котенка, за шиворот на лестничную площадку, а после на улицу. Сынуля, пошатываясь, добрал до родного порога и слег. Сейчас ему полегчало, но разъяренная матрона не стала дожидаться утра, а тут же поехала к обидчику, и велела немедленно убираться. Через три часа квартира опустела.

Что было досадно до невозможности. Если подозрения Андрея справедливы, совершенно ясно, почему два предыдущих раза муж Лилии устраивал переезд в темное время суток. Не прояви хозяйка излишнюю резвость, приедь поутру, десять против одного – жильцы под любым предлогом носа не высунули бы до вечера.

И Андрей успел бы их застать. Можно было бы, как минимум, проследить за отъездом, узнать, куда на этот раз подались беглецы. А теперь ищи ветра в поле.

Овладевшее им отчаяние было столь искренним и глубоким, что сердобольные старушки выложили все, что знали. А знали они, на удивление, немало. Почти поголовно страдающие бессонницей, разбуженные среди ночи шумом, неизбежным при загрузке машины, они описали картину переезда настолько детально, что, находишь сам Андрей на месте событий, он не заметил бы и половины. Тем не менее, если отбросить эмоции, впечатления и откровенный вымысел, абсолютно точно удалось установить только два факта. Во-первых, грузовик с вещами уехал по загородному шоссе. Во-вторых, сумма, уплаченная водителю, была относительно небольшой – вряд ли машина покидала пределы области. Негусто, но гораздо лучше, чем ничего. Можно даже сказать, повезло – в стороне, куда вела эта дорога, не было ни городов, ни крупных поселков. Только несколько небольших, далеко разбросанных друг от друга деревенок.

Придется набраться терпения и как можно быстрее обшарить окрестности вдоль трассы. Пока Лилия не исчезла в неизвестном направлении безвозвратно.

Оставалось горячо поблагодарить соседок-наседок и поспешить на работу – срочно отпроситься в отпуск.

Конечно, хорошо бы еще взглянуть на шею хозяйского сынули, но сделать это, не вызывая подозрений, сложно. А Андрей и так был почти уверен в том, что там увидит.

Прочесывание местности заняло гораздо больше времени, чем он предполагал. Однако, к исходу второй недели, в двадцати километрах от города обнаружилась заправка, где грузовик с мебелью останавливался в ту ночь. Молодой разбитной заправщик с черными блестящими глазами уроженца юга восторженно-похабными жестами живо описал поразившие его в самое сердце (и чуть пониже) прелести белокурой принцессы. Пока высокий худой старик ушел с водителем оплачивать бензин, горячий парень подбежал к кабине перемолвится словечком с красавицей. Она что-то коротко ответила тихим чарующим голоском, на описание которого у работяги в засаленном комбинезоне не нашлось ни слов, ни жестов. Но тут ее мужчина вернулся и...

Дальше все было понятно без слов. Королевский фингал под глазом начинал желтеть. Знакомых отметин не было видно, но при разговоре заправщик раза три машинально поскреб шею, как раз в том самом месте. Это могла быть старая привычка. Или недавно зажившая ранка.

Две ранки.

Дни сменяли друг друга быстро и незаметно, как кадры киноплёнки. После третьей просьбы о продлении отпуска пришлось расстаться с рабочим местом. Но сейчас это было неважно. Район поисков быстро сокращался. Осталась горстка деревень на самой границе области, когда терпение и настойчивость Андрея были вознаграждены.

Мальчишки, игравшие в придорожной пыли, указали ему на бабульку, помогавшую недавно обустроиваться двум приезжим. Парочка поселилась в пустующем, стоящем на отшибе доме, окруженном с трех сторон подступающим лесом.

Пожилая женщина встретила любопытного гостя неприветливо. Напрасно Андрей расстрачивал свое обаяние. После долгих дотошных расспросов что да как, строгая хозяйка велела перестать врать и выложить все начистоту. Пришлось честно признаться, что всего рассказать он не может. Но ничего плохого не замышляет. Наоборот – собирается спасти девушку, которую удерживают здесь насильно, против воли.

Губы старухи, и без того тонкие, сжались в сердитую линию:

– Против чьей воли? Твоей? Чего-то не видала я, чтобы ее сюда на веревке силком волокли.

– Не в веревке дело. Не может она уйти. А хочет. Очень хочет.

– С чего ты взял?

– Знаю. Чувствую.

– Ишь, чувствительный какой сыскался. Повидала я вас, таких, на своем веку. Негоже без спросу в чужую жисть лезть, да на чужую жену при живом-то муже засматриваться. Промеж ними сейчас кошка пробежала, что правда, то правда. Но, может, еще наладится все. А ты только перебаламутишь и запутаешь.

– Не запутаю. Я же как лучше хочу.

– Откудова тебе, сопляку, знать, как оно – лучше-то? Я про другое толкую – ежели сейчас отступишься...

Андрей иронично усмехнулся.

– То буду жить долго и счастливо?

– Не знаю, – отрезала старуха. – Как получится, так и будешь. А не свернешь с этой дорожки – не будет тебе добра от краденого чужого счастья.

– Спасибо, бабушка, за совет, но я уж как-нибудь сам разберусь со своей жизнью. Не для того я столько искал, чтобы сейчас, поджав хвост, сбежать.

– Что ж... Я тебя предупредила. Поступай, как знаешь.

– Вот и ладненько. Дорогу-то покажешь? Я ведь и у других спросить могу. А не скажет никто – сам все дома обойду. Из-под земли достану.

– Из-под земли говоришь... Поди знай, может и придется. Парень-то этот все про подвал меня спрашивал. Чтобы, значит, непременно просторный был и крепкий. А то, говорит, другое жильё придется подыскивать.

– Какой еще парень?

– Известно какой – муж этой вертихвостки, зазнобы твоей.

– Хорош парень! Худой, седой, весь в морщинах! Он же старше вашего будет.

– Да чего я тебя вразумлять-то нанялась? Дурака учить – только портить. Будь по-твоему. Вон тот дом, который с зеленой крышей. Прощевай. И... – голос усталой женщины дрогнул, – храни тебя Господь!

Калитка в высоком крепком заборе оказалась не заперта. Двухэтажный дом сиротливо стоял посреди просторного пустого двора, заросшего сорной травой. Однообразие пустыря

нарушала лишь пара сооружений. Да и сооружениями-то их можно было назвать с большой натяжкой. По левую сторону доживал свои дни покосившийся сарай. По правую – бесформенная груда из недавно сколоченных пустых деревянных клеток. Десяток из них кто-то пытался установить в более-менее ровный ряд, но то ли не успел закончить, то ли забросил это занятие.

Предположение, что днем обитатели дома носа не высунут из своего убежища, похоже, подтверждалось. Особой нужды прятаться не было. Главное, шуметь поменьше и не тянуть до заката, а быстрее найти способ проникнуть внутрь, в логово. Но дом из потемневшего дерева с закрытыми наглухо старомодными ставнями выглядел так неприветливо... Андрей зябко передернул плечами и уговорил себя сначала изучить повнимательнее двор. На случай неприятных неожиданностей во время срочного отступления. Например, в виде непривязанного ротвейлера, затаившегося по ту сторону дома.

Осмотр правой части двора ничего не дал.

Несколько клеток в недавнем прошлом были обитаемы. Скорее всего, тут держали кроликов или другую мелкую живность. Но потом все куда-то подевались. Что ж, факт занятный, однако особого интереса не представляет. Осталось прогуляться с обратной стороны дома и осмотреть дряхлый сарайчик.

На задней стенке развалюхи под небольшим навесом висел на гвоздях нехитрый набор инструментов – топор и лопата. Неподалеку влажно чернела куча свежевскопанной земли. Андрей решил снять верхний слой и проверить, что скрывается в ее недрах. Вряд ли что-то более необычное, чем компост или навоз, но... Как предлог оттянуть момент захода в дом – сгодится. Пара минут физических упражнений на свежем воздухе прошла впустую. Андрей совсем уже было собрался переходить к исследованию сарайчика, когда под очередным комом земли показался клочок светлого меха. Несколько энергичных взмахов лопатой обнажили три кроличьих тушки, похожие на маленькие скомканые плюшевые игрушки. Скорее всего остальные обитатели опустевших клеток лежат глубже. Но дальнейшие раскопки не имели смысла – он уже увидел все, что хотел.

На горле каждого из кроликов чернели одинаковые засохшие сдвоенные пятнышки.

С неспешной неотвратимостью асфальтового катка навалилось парализующее мозг осознание опасности и собственной незащитности. Вплоть до этой секунды Андрей был полностью сосредоточен на поиске Лилии и ее мужа. План дальнейших действий имел смутно-неопределенные очертания. И теперь предстояло импровизировать на ходу, потому что Андрей был ни капельки не уверен, что у него хватит порошу еще раз вернуться в это проклятое место.

Пускай даже с оружием и нарядом полиции.

Что же предпринять?

Чеснок, святую воду или серебро явно не отыщешь по эту сторону забора. Остается осиновый кол. Андрей с сомнением посмотрел на черенок лопаты. Может, это и не осина, но все лучше, чем ничего. Чтобы не грохотать лишний раз металлом по металлу, он не стал сбивать штык лопаты с рукоятки, а наскоро обтесал топором ее обратную сторону.

Почувствовав себя увереннее, он обошел сарайчик и уперся в дверь, на которой висел новенький, блестящий, еще в следах заводской смазки, амбарный замок. К счастью, длинная железная полоса, к которой этот замок крепился, была совсем ржавой. И держалась на нескольких, таких же ржавых гвоздях. Андрей протиснул лезвие лопаты между полосой и старыми досками и нажал на рукоять, как на рычаг. С четвертой попытки сдался последний гвоздь. Путь был открыт.

Оказалось, что изнутри стены обиты каким-то мягким материалом. В результате сюда не проникал ни единый лучик света. Покосившаяся дверь норвила закрыться. Пришлось подпереть ее топором, чтобы хоть немного оглядеться, прежде чем шагнуть в темноту. Сарай был абсолютно пуст, если не считать большого тяжелого люка в полу с двумя мощными подпружиненными засовами. Судя по всему, они защелкивались автоматически, когда крышку опускали

на место. Хорошо еще, что запоры не удерживаются замками – просто потяни и люк откроется. Но придется выпустить из рук свое оружие. Оставалось надеяться, что его визит окажется неожиданным и никто не выскочит внезапно из-под земли в самый неподходящий момент. Собравшись с духом, Андрей рванул засовы на себя, откинул крышку и схватил лопату снова.

Ничего.

Лезть вниз, в кромешную темноту, было страшно. Но секунды беззвучно утекали песком сквозь пальцы и, если сейчас ни на что не решиться, то исчезнет даже мизерное преимущество внезапности. Тем более, что, похоже, в дом идти не придется. То, что он искал, скорее всего, находится здесь.

Андрей начал спускаться, осторожно пробуя ногой следующую ступеньку узкой крутой металлической лестницы и слепо шаря перед собой руками. На очередном шаге он нащупал свисающий с потолка подземелья тонкий шнурок и машинально дернул за него. Помещение затопила ослепительная вспышка.

Впрочем, такой она показалась лишь в первые секунды. Когда зрение вернулось, застывший на месте Андрей разглядел пару обычных ламп дневного света. Потом посмотрел вниз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.